

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР
САМАРКАНДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени АЛИШЕРА НАВОИ**

М. Д. ДЖУРАКУЛОВ, Н. А. АВАНЕСОВА

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Самарканд 1983

Министерство высшего и среднего специального образования
Узбекской ССР

Самаркандский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Алишера Навои

М. Д. Джуракулов, Н. А. Аванесова

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Утверждено Минвузом Узбекской ССР
в качестве учебного пособия

Самарканд 1983

Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А. Историография эпохи бронзы Средней Азии. Учебное пособие. - Самарканд: Изд. СамГУ, 1983. - 71 с.

В работе дается историографический анализ общего хода накоплений археологических знаний по истории племен эпохи бронзы Средней Азии.

Основные этапы изучения истории эпохи бронзы Средней Азии иллюстрируются через призму движения идей и становления первобытной археологии Средней Азии.

Композиционно работа рассматривается не по географическим регионам Средней Азии, а по археологическим культурам двух историко-культурных зон - земледельцев и скотоводов.

Учебное пособие будет полезным для студентов-археологов, историков всех видов обучения исторического факультета.

Ил. 2, список лит. - 113 назв.

Рецензенты: Р.Р. Мукашева,
А.А. Аскарлов

Д-10601, 10602 доп. - ВЗ
М-382(04)-83

© Самаркандский госуниверситет
имени Алишера Навои, 1983

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха бронзы Средней Азии (середина III – начало I тыс. до н.э.) – это время значительных социальных сдвигов, время консолидации племен и возникновения крупных социальных и этнических общностей, вызванных переходом обитателей древней Средней Азии к новому техническому и хозяйственному этапу развития.

В эпоху бронзы территория Средней Азии четко делится на два культурно-исторических региона: степи Средней Азии от высоких при Тяньшаньских нагорий до междуречья Амударьи и Сырдарьи в эпоху бронзы были заселены скотоводческими племенами андроновско-тазабагтябской общности, входившие в ареал евразийских культур степной бронзы; южные пределы изучаемого региона, особенно районы северных предгорий Копет-Дага, вплоть до бассейна Теджена были областью развития оседлоземледельческих племен, входившие в ареал древневосточных протгородских цивилизаций.

Постоянные контакты между населением этих двух больших областей, влияние более передовой южной цивилизации на северную неизбежно должны были привести к некоторому стиранию различий в их хозяйственном и социальном развитии. Этому процессу способствовали рост производящего хозяйства на юге, увеличение роли обмена, все усиливавшееся значение, которое приобрели в хозяйстве орудия из металла.

В истории народов Средней Азии эпоха бронзы долгое время была незаполненной лакуной, ибо целые культурно-исторические регионы оставались нетронутыми исследованиями археологов. К таким регионам в первую очередь относится юг Узбекистана и Таджикистана – один из важных очагов сложения древнегородской цивилизации Востока, север Киргизии – ареал сложения кочевого хозяйства.

Значительные проблемы в истории целой эпохи народов Средней Азии создавали трудности в изучении вопросов экономики, общественных и социальных отношений генезиса раннегородских цивилизаций, развивавшихся здесь в эпоху раннеклассового общества.

Успехи археологического исследования Средней Азии за последние годы, заполняя все более и более белые пятна, уже приводят археологическую карту к такому состоянию, при котором она может оказать существенную помощь историку для восстановления прошлого племен, существовавших здесь в эпоху бронзы, причем, не только их экономического и общественного состояния, но и динамику их развития, существовавших между ними живых связей и преемственности развития.

История обитателей человеческих сообществ бронзового века Сред-

ней Азии известна нам по археологическим культурам.

В настоящее время удается связать некоторые археологические культуры с известными позднее по письменным источникам племенами и народами, предпринимаются попытки определить, к какой языковой семье принадлежали носители той или иной культуры.

Археологические исследования памятников эпохи бронзы Средней Азии прошли путь от редких эпизодических посещений любителей старины, краеведов, научных экспедиций XIX-начала XX вв. до систематических, планомерных изысканий сегодняшнего дня.

В истории изучения бронзового века Средней Азии могут быть намечены четыре основных этапа.

Первый из них охватывает досоветский период, когда силами участников Туркестанского кружка любителей древности и отдельными коллекционерами был собран немногочисленный материал, оставшийся неклассифицированным. Раскопки памятников эпохи бронзы были проведены только в Анау.

Второй этап начинается с 30-х годов XX в., когда в разных областях Средней Азии проводятся разведки и первые систематические раскопки, позволившие собрать обширный материал.

Третий этап - целеустремленное и широкое археологическое исследование республик Средней Азии, начавшееся в послевоенный период. Работы некоторых больших экспедиций (ИТАКЭ, ХАЭЭ, ЭВФК, ЭВЧК) привели к накоплению совершенно нового материала, позволившего выделить культуру эпохи бронзы на территории Средней Азии, предварительно их датировать, нарисовать общую картину хозяйства.

Четвертый этап начинается с 60-х годов, когда исследователи от учета и систематизации археологических комплексов переходят к постановке исторических проблемно-теоретических вопросов, с привлечением естественных методов в археологии.

Интерес к памятникам старины Средней Азии появился после присоединения Средней Азии к России, поэтому отдельные находки и памятники эпохи бронзы с изучаемого региона известны были еще в дореволюционный период (Лунин, 1968, с. 98-104).

Накопление археологических знаний и материалов по эпохе бронзы осуществлялось, с одной стороны, русскими офицерами, учеными специалистами Петербурга, Москвы и таких научных центров как Восточное Отделение Русского Археологического общества и Туркестанского кружка любителей археологии (С.И. Гуляев, И.Т. Пославский, Б.Т. Смирнов, В.П. Лавренев, А.А. Семенов), с другой, - усилиями местных жителей: краеведов, любителей старины, коллекционеров (Мирза

Барат, Акрам Аскарлов, Н.П.Остроумов, Т.Миргиязов) (Чабров, 1958, с.147).

Археологические работы до Октябрьской революции носили преимущественно эпизодический характер, сводились к регистрации памятников, к сбору вещественного материала, к простому его описанию. Зачастую деятельность энтузиастов науки носила случайный характер.

Значительный вклад в изучение эпохи бронзы Средней Азии внесли генерал А.В.Комаров (конец XIX в.) и американская экспедиция Р.Ломпелли в Анау, производившая раскопки в 1903-1904 гг.

В первое десятилетие после установления Советской власти археологические исследования в Средней Азии проводились Туркестанским (позднее Среднеазиатским) комитетом по охране памятников старины, искусства и природы и местными научно-исследовательскими учреждениями. Большую помощь оказывали ученые Москвы и Ленинграда.

Первые археологические экспедиции были организованы в конце 20-х - второй половине 30-х годов.

В 1920-1921 гг. Туркомстарис начал работы по составлению археологической карты Средней Азии (Бартольд, 1949, с.2-3).

Организованная в 1929 году при Туркменкульте археологическая секция приступила к сплошному исследованию территории Туркменистана. Ее сотрудниками в районах Гяура, Баба-Дурмаз, Артых было обнаружено большое количество памятников, относящихся к эпохе бронзы (Атагорьев, Бердиев; 1967; с.126).

В 1928 году было положено начало археологическому изучению Киргизии экспедицией Ленинградских ученых (М.В.Воеводский, М.П.Грязнов, С.А.Теплоухов; А.И.Тереножкин), в результате которых были выявлены памятники эпохи бронзы (Воеводский и Грязнов, 1939, с.46; Тереножкин, 1935, с.29).

Крупным событием в археологической науке Средней Азии явилось создание в 1937 году Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР под руководством С.П.Толстова. С началом работы этой экспедиции связано открытие первых памятников неолита и бронзового века в низовьях Амударьи (Толстов, 1939; он же, 1941).

В 1941 году была организована экспедиция археологического надзора на строительстве большого Чуйского канала (БЧК) под руководством А.Н.Бернштама. Работы этой экспедиции дали большую коллекцию вещевого материала. В районе селений Ивановское, Джаильма и Кайнды были найдены памятники эпохи бронзы, датированные II-I тыс. до н.э. Часть их была исследована А.Тереножкиным еще в 1929-31 годах (Берн-

штам, 1949; Тереножкин, 1935).

Что касается территории Таджикистана, то в довоенный период развития среднеазиатской археологической науки первобытные памятники не были изучены. Первые памятники эпохи бронзы были исследованы лишь в 1949-1948 гг. во время работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции АН СССР под руководством А.Д. Якубовского в урочище Туп-Хона Гиссарского района (Латвинский, 1959, с. 47).

Анализируя накопленные археологические знания в изучении памятников эпохи бронзы, следует отметить, что в советское время коренным образом изменились методы исследований. Появились достаточно подготовленные кадры археологов. Широкий размах работ, глубокий подход к изучаемым объектам, фактам и применение марксистско-ленинских положений к их истолкованию позволили открыть ряд археологических культур (культура "расписной керамики", тазабагьябская и амирабадская культуры степной бронзы) и выявить историко-культурные традиции народов Средней Азии. В целом это был период начала интенсивного накопления материалов по эпохе бронзы Средней Азии.

Широкий размах археологические исследования в Средней Азии получили после окончания Великой Отечественной войны.

Формируются кадры археологов, специализирующихся по эпохе бронзы (Массон, Итина, Хлопин, Сарияниди, Аскарлов, Заднепровский, Дуке и др.).

Сама среднеазиатская археологическая наука претерпевает сложные качественные изменения. Археологи, не прекращая разведок, приступили к широким стационарным раскопкам и перестали базироваться пусть на многочисленном, но все же подъемном материале, научились находить памятники с непотревоженным культурным слоем. Были сделаны открытия, подготовленные всем предыдущим ходом развития истории первобытного общества, расширились наши познания об археологических культурах эпохи Средней Азии.

Во второй половине 50-х годов оформляется в более совершенный вид периодизация памятников анауского типа в Туркмении (Куфтин, 1954, с. 12).

После окончания Великой Отечественной войны археологическое изучение в Узбекистане возобновляется с деятельностью Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР во главе с профессором С.П. Толетовым. В 1946-1948 и 1950-1952 годах работают Памиро-Алайская и Памиро-Ферганская экспедиции во главе с профессором А.Н. Бернштамом. Начала свою деятельность Узбекская археологическая экспедиция Института истории и археологии АН

УзССР во главе с профессором Я.Г.Гулямовым и проф. В.А.Шипкиным. Ее многочисленные отряды развернули фронт работ в Древнебухарском оазисе, в среднем течении Зарафшана, районах Ташкентской области и т.д. (Аскарлов, 1972, с.100).

В 1945 году была открыта еще одна культура эпохи бронзы - сугржанская. Материал для ее характеристики дали раскопки 1945-1946 гг. Джанбас-Кала 6, проведенные Я.Г.Гулямовым (Толстов, 1946, с.66).

В результате работ с 1938-1940 и 1945-1946 гг. в низовьях Амударьи были открыты следующие культуры бронзового века:

1. Тазабагтябская. Дата - середина II тыс. до н.э.
2. Сугржанская. Дата - конец II тыс. до н.э.
3. Амирабадская культура раннего железного века. Дата - первая половина I тыс. до н.э.

С 1951 г. ХАЭ приступила к изучению древних русел Амударьи, истории их функционирования и заселения человеком. Весь цикл работ открыл для науки множество новых памятников эпохи бронзы и других периодов первобытного общества. Вплоть до 1952 года экспедиция проводила очень широкие и динамичные разведки по сухому руслу Узоя, Присаракамышско-дельты и правобережной Амударьи.

Итогом этого периода является вышедшая в 1948 г. монография С.П.Толстова "Древний Хорезм" и первая кандидатская диссертация М.А.Итиной в 1950 г.

Памятники эпохи бронзы изучаются более успешно. Хорезмская экспедиция проводит очень большую работу, которая позволила поставить по-новому ряд вопросов, связанных с продвижением племен, носителей тех или иных культур севера и северо-запада, с земледельческими культурами юга. Узбекистанская экспедиция изучила на протяжении рассматриваемого отрезка времени памятники эпохи бронзы в Ферганской долине и на западной окраине Бухарского оазиса.

В 1946 году при Туркменском филиале АН СССР организуется Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ), возглавленная М.Массоном. С этого времени начинается по существу новый период в истории изучения археологических памятников Туркмении. Однако до начала 50-х годов археологами в значительно меньшей мере уделялось внимание памятникам эпохи бронзы. И только с начала 50-х годов особое внимание было заострено на изучении памятников земледельческой культуры. Сначала Б.А.Куфтин, а позднее В.М.Массон, руководившие отрядом ЮТАКЭ, в этом деле добились больших успехов.

На материалах Намазга-депе Б.А.Куфтин выдвинул новую стратиграфическую схему культуры Анау взамен устаревшей периодизации Р.Пам-

пелли. По новой схеме история земледельческих поселений расчленилась на 6 культурно-исторических периодов - Намазга I-VI, охватывающих время с У до середины II тыс. до н.э. Соотношение стратиграфических колонок Анау и Намазга-депе позже дал В.М.Массон (Массон, 1956, с.191-194).

В этот период изучались памятники эпохи бронзы в Мисрианской равнине, где В.М.Массон призвал разведку и небольшие раскопки на Изат-кули (1951 г.) и Мадау-депе (1952-53 гг.). Полученный материал позволил выделить своеобразную культуру архаического Дахистона эпохи бронзы (Массон, 1962, с.179).

С 1953 г. начинаются раскопки крупнейшего (вслед за Намазга-депе) памятника бронзового века Южного Туркменистана поселения Алтын-депе (Гонялин, 1959, с.46).

В 1954-55 гг. ЦТАКЭ широко раскапывала древнемогильные поселения эпохи бронзы и раннего железа в дельте Мургаба.

В 1958 году отряд ЦТАКЭ под руководством В.М.Массона открыл на территории рек Теджен и Мургаб новую культуру Яз-депе I. Итогом изучения этой культуры Маргианы посвящена вышедшая в 1959 году специальная монография В.М.Массона "Древнеземледельческая культура Маргиана".

Как мы уже отмечали, первые памятники эпохи бронзы в Таджикистане исследуются только в "послевоенный" период.

Изделия этой эпохи, найденные в Центральном и Южном Таджикистане, впервые опубликованы в 1948 г. А.И.Тереножкиным (Тереножкин, 1948, с.75-76). В 1954 г. А.П.Окладников открыл в Кайрак-Кумах первые в Таджикистане поселения эпохи бронзы и раннего железа (Окладников, 1956, с.17-12). Более детальное изучение их было проведено Б.А.Литвинским в 1955-56 гг. Значение их для таджикской археологической науки было велико, так как это первые, достаточно аргументированно документальные материалы эпохи бронзы в этом районе Средней Азии. Изучено свыше 60 пунктов - поселения, рудоплавильные центры, могильники. Датированы они от середины II тыс. до н.э. до первых веков I тыс. до н.э. (Литвинский, Окладников, Раппопорт, 1962, с.5).

В пределах территории между Гиссарским хребтом и средним течением Амударьи изучается ряд памятников, относящихся к позднему этапу эпохи бронзы. С 1955-1959 гг. исследовались погребения раннего Тулхарского и Аруктауского могильников, расположенных в северной части Бишкентской долины, которая лежит между низовьями рек Кафир-

паган и Сурхандарья.

В раннем Тулхарском могильнике был получен совершенно новый археологический комплекс, который был выделен А.М.Мандельштамом в новую культуру, которую по месту находок автор назвал Бишкентской (Мандельштам, 1968, с.252).

Таким образом, на позднем этапе эпохи бронзы в южных областях Среднеазиатского Междуречья существовало две культуры скотоводческого характера.

На территории Киргизии до 1941 г. не обнаружено и не исследовано ни одного памятника первобытной эпохи. Первые находки эпохи бронзы были сделаны экспедицией археологического надзора на строительстве Большого Чуйского канала под руководством А.Н.Берштама. Здесь, в районе селений Ивановское, Джалильма и Камнды, были найдены памятники эпохи бронзы, датированные II-I тыс. до н.э. Находки позволили ученым Киргизии представить себе почти четырехтысячелетний период исторического развития прошлого населения этого района региона Средней Азии (Кибиров, 1954, с.63; Берштам, 1952, с.36).

В 1944 году Тяньшань-Алайская археологическая экспедиция во время обследования высокогорных пастбищ Тянь-Шаня в урочище Бур-мачап в долине Арпа вскрыла несколько погребений, давших материал, характерный для эпохи бронзы II-I тыс. до н.э.

В период с 1944-47 гг. эта экспедиция проводила разведочные работы в Южной Киргизии и у подножия горы Сулеймантау, по реке Гулача, ею был обнаружен Чакмальский могильник, давший материал времени позднего неолита и бронзы.

Вновь памятники эпохи бронзы в Киргизии изучаются с 1956 г., когда перед археологами Киргизии поставили задачу изучения проблемы этногенеза киргизского народа. Итоги представлены открытием памятников андроновского типа (Кожемяко, 1960, с.81-107).

В 60-70 годах в истории изучения памятников эпохи бронзы Средней Азии намечаются проблемы, требующие, наряду с интенсивными изысканиями, умения исследовательской работы в плане широких исторических обобщений.

Намечается решение такой кардинальной проблемы истории Евразии как расселение индоиранских племен. Успешно разрабатываются и внедряются новейшие методы археологических исследований в контакте с учеными прикладных и естественных наук. Внедряются новые методы датировок и археологических разведок, статистической обработки материала и т.п. Начинает выявляться смысл и значение таких основопо-

лагающих понятий в археологии как археологическая культура и ее локальные варианты.

На этом историческом рубеже своего развития археология эпохи бронзы Средней Азии со всеми своими успехами и достижениями выходит по своей значимости на одну из ведущих позиций в мировой археологической науке.

В настоящее время на первый план в археологическом исследовании выдвигается постановка методологических, философских проблем, появление которых становится актуальным и возможным лишь при условии достижения данной наукой определенного сравнительно высокого уровня, когда последняя как бы пытается осмыслить самое себя (Массон, 1968, с. 4).

За последние годы достигнуты значительные успехи в области важнейших археологических открытий и накопления соответствующих материалов для исторического обобщения. Так, благодаря открытию и исследованию памятников эпохи бронзы на юге Узбекистана (Сапалдитапа, Джаркутан, Бустон, Молали и др.), выявлен новый очаг древнейшей земледельческой протогородской культуры, вводящий южные республики в круг наиболее высокоразвитых цивилизаций древнего Востока (Аскар, 1973, 1977).

В 70-е годы Институтом археологии АН УзССР исследуются памятники бургулюкской культуры, которая была открыта А.Н.Тереножкиным в 1940 г. при строительстве Ташкентского канала в правобережье р.Ахангаран (Дук, 1978, с. 47-48). Бургулюкский комплекс входит в круг памятников чустской культуры Ферганской долины, Кучуктепе и позднего Джаркутана Сурхандарьинской области, Яз-депе I Южной Туркмении и Тилля-тепе Северного Афганистана, относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железа.

Более 20 лет проблема происхождения племен культуры расписной керамики является предметом бесконечных споров. Сложность ее разрешения заключается в том, что в одних районах на фоне предшествующей высокоразвитой керамической традиции древних земледельцев неожиданно появляется культура лепной расписной керамики, как возврат к более древним традициям, в других же районах она появляется на базе культуры степных племен (Аскар, Альбаум, 1979, с. 92). Открытие новых памятников культуры расписной керамики территориально заполнило всю карту Узбекистана и подтвердило предположение о постепенном оседании части скотоводческого населения Средней Азии и переходе его к земледелию. Этими скотоводами были племена тазабатъ-

дско-андроновской культуры, занимавшиеся до того пастушеским скотоводством и мотыжным земледелием.

Вероятный центр сложения культуры расписной керамики следует наметить в пределах севера Средней Азии, так как самые ранние материалы ее на территории Центральной и Южной части Средней Азии датируются не ранее X в. до н.э., в то время как ранний период культуры расписной керамики относится к IЗ в. до н.э.

Следует отметить, что в археологическом изучении памятников эпохи бронзы Узбекистана преимущество отдается исследованиям древнеземледельческих культур, в то время как памятники "степного" типа почти не изучаются. А между тем последние могут стать ключевыми памятниками для решения такой важной проблемы.

Начиная с 1959 г., в связи со строительством Каракумского канала, огромный размах археологические работы приобретают в Геоксурском оазисе. С 1960 года сотрудники Каракумского отряда приступили к комплексному изучению территории оазиса. Проведенные археологические работы расширили границы анауской культуры и выявили своеобразие материальной культуры Геоксурского оазиса (Бердыев, 1964, с. 41).

Археологические работы 60-х годов проходили на довольно высоком качественном уровне. По своему характеру они складывались из текущей работы и проблемно-целевых изысканий. Первая была связана с открытием новых памятников, другая - с исследованием традиционных объектов. Последняя становится наиболее важной к концу 60-х годов, ибо, как пишет В.М.Массон, "...на каждом этапе развития археологической науки выбор для раскопок одних памятников и сокращение работ на других..., раскопки большего масштаба и сконцентрированные усилия дают достаточные основания для ответственных выводов" (Массон, 1972, с. 3).

С 1967 г. проводятся дальнейшие работы по изучению Южного Туркменистана в эпоху бронзы с постановкой широких стационарных работ на поселениях Алтын-дөпе, Намазга-дөпе и на могильнике Сумбар. Продолжались работы на поселении эпохи бронзы Текем-дөпе, где налицо отчетливо было видно продолжение местных культурных традиций в период Намазга VI.

Иная картина наблюдается на материалах, полученных из могильника эпохи поздней бронзы Сумбар I (XIII-X вв. до н.э.), исследованного Каракумской экспедицией, где археологический материал в культурно-историческом плане тяготеет к области Иранского Прикаспия (Хлопин, 1982, с. 147).

Исследования памятников эпохи бронзы на территории Туркмении за последнее время дали весьма богатый материал, анализ которого позволил ученым с достаточной уверенностью судить о степени развития местной земледельческой культуры в период разложения первобытнообщинного строя. Тщательному изучению, с хорошо поставленной методологией исследования, подвергнуты вещественные источники, отражающие хозяйство, экономику, уровень урбанизации протогородских центров, степень социальной дифференциации, зарождение общественного неравенства, форм древнейших религиозных представлений. Подобно ряду синхронных древнеземледельческой культуре юга Туркмении культур Ирана, юга Узбекистана и Афганистана, эта цивилизация может быть причислена к цивилизациям второго порядка. Раскопки сумбарских могильников ликвидировали лагуну в наших знаниях относительно населения юго-запада Туркмении в эпоху поздней бронзы. В период с 1962-70 гг., к сожалению, мало публикуется научных трудов, которые осветили бы процесс археологических работ в Таджикистане. Поэтому изучение эпохи бронзы этого периода на территории Таджикистана освещено в последующих публикациях отрывочно, кратко и в недостаточной степени ясно. (Литвинский и др., 1962; Мандельштам, 1968). Материалы, исследованные с 1962 по 1970 гг. по вахшской культуре, упоминаются в краткой обзорной статье В.А.Литвинского (Литвинский, 1973, с.5-42). В 1982 г. кандидатской диссертацией Л.Т.Пьянковой разрешается, на наш взгляд, вопрос о выделении вахшской культуры и аргументируется различие ее с бишкентской (Пьянкова, 1980). С 1977 г. по сей день А.И.Исаковым в составе Косарат-ошского отряда Института истории АН ТаджССР исследуется поселение эпохи бронзы Саразм, расположенное в долине Зарафшана в 15 км западнее г. Пенджикента. Результаты раскопок характеризуют древнеземледельческую культуру Зарафшанского Согда периодов Намазга IV-V (Исаков, 1980, с.587). Таким образом, за последние годы в Таджикистане открыты и исследованы такие культуры как бишкентская и вахшская. Накоплен значительный археологический материал, позволивший осветить историю народов Таджикистана в период разложения первобытного общества. Следует отметить, что за период с 1963 по 1969 гг. в Киргизии не было выпущено ни одного сборника научных трудов, ни одной монографии, в которых бы освещались работы на памятниках эпохи бронзы, за исключением нескольких статей информационного характера. Только в 1977 году в сборнике "Кетмень-Тюбе", представленном материалами Кетмень-Тюбинской котловины (от эпохи палеолита до средневековья), мы находим сведения о могильнике эпохи поздней бронзы Джазы-Кечу и о поселении Джал-Арык (Кетмень-Тюбе, 1977).

Материалы поселения и могильника долины Кетмень-Тюбе важны не только для изучения особенностей местной культуры и ее связей с культурами сопредельных территорий, но и для определения типа хозяйства, вопросы которого до сих пор не решены.

В 1976-77 гг. Ферганский отряд ЛОИА АН СССР в Карасуйском районе Омской области проводил археологические исследования. Раскапывалось поселение эпохи поздней бронзы чустской культуры на берегу древней протоки Талдыксу, возле села Хожамбаг. Поселение Хожамбаг состоит из нескольких холмов. Раскапывалось частично 6 холмов. Все собранные материалы - керамика, изделия из камня и бронзы - полностью идентичны находкам Чустского и Дальверзинского поселений (Заднепровский, Дружинина, 1977).

На горе Тахта-Сулейман, в самом центре г.Ол, Е.В. Дружининой обнаружены выходы культурного слоя эпохи поздней бронзы. В результате широких стационарных раскопок 1976-80 гг. вскрыты части двух жилых террас с остатками трех полуземлянок. В целом поселение имело террасовидное устройство на склоне горы, что является само по себе явлением уникальным, так как склон горы Тахта-Сулейман для земледелия мало пригоден.

В 70-80 годы в археологии эпохи бронзы Средней Азии складываются новые научные направления. На основе роста источниковедческой базы появилась возможность новых исторических построений с учетом неравномерности темпа развития, зависимости от экономической среды и от исторического окружения. Последние позволяют решать такие частные исторические вопросы как - "Экономика и социальный строй древних обществ" (Массон, 1976); "Становление производства в эпоху энеолита и бронзы" (Калгин, Сайко, Массон, Лисицина, 1981); "Среднеазиатская терракота эпохи бронзы" (Массон, Сарманиди, 1973); "Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии" (Антонова, 1977); "История заселения и древнее орошение Юго-Западной Туркмении" (Кесъ, Костыченко, Лисицина, 1980); "К палеоантропологии древнего Узбекистана" (Ходжайов, 1980); "Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии" (Сайко, 1982); "Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского междуречья" (Ширинов, 1980); "История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа" (Рузанов, 1982) и др.

Таким образом, анализируя весь материал, следует отметить, что успехи и достижения археологического изучения эпохи бронзы

Средней Азии огромны и бесспорны. В результате этого масштабного и глубокого исследования одного из самых "сложных" периодов развития человеческого общества - периода разложения первобытного строя и становления государственности - открываются закономерности перехода от одной формации к другой на основе археологического материала, являющегося по существу самым объективным источником, которым располагает историческая наука.

Это стало возможным, благодаря созданию в республиках Средней Азии археологических центров (Узбекистан - в 1970 г. в г.Самарканде был открыт Институт археологии АН УзССР на базе секторов археологии Института истории, и археологии АН УзССР; Таджикистан - в 1961 г. была образована Академия Наук Таджикской ССР, в составе которой - Институт истории, археологии и этнографии (ныне Институт истории им.А.Дониша) со специальным сектором археологии и нумизматики, начавший функционировать с 1962 г.; Туркмения - созданный в 1961 г. сектор археологии при Институте истории им.Ш.Батырова АН Туркм ССР ведет планомерное изучение памятников в Туркмении; Киргизия - сектор археологии Института истории АН КиргССР существует как самостоятельное подразделение с 1960 г., ведется систематическая работа по подготовке квалифицированных местных кадров археологов).

Только за истекшие десять лет в Узбекистане защищены одна докторская и 5 кандидатских диссертаций по эпохе бронзы (Аскарлов А., Абдуллаев Б., Уразов Б., Ширинов Т., Рузанов В. и др.). Аналогична картина по подготовке кадров и в Туркмении. Исключением являются Киргизия и Таджикистан.

Нельзя не остановиться на факте, что накопление археологических знаний зависит от степени и характера научных публикаций. За последние годы вышли в свет ряд монографий, обобщающих итоги изучения материальной культуры отдельных регионов, комплексного исследования историко-культурных регионов и разработки принципиальных теоретических проблем истории народов эпохи бронзы Средней Азии на основе археологических данных. Таковы монографии Аскарлова А.А. - "Сапаллитепе", "Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана"; Аскарлова А.А. и Альбаума - "Поселение Кучуктепе"; Дуке Х. - "Бургуликская культура"; Итиной М.А. - "История степных племен Южного Приаралья II - начала I тыс. до н.э."; Массона В.М. - "Алтындепе"; Хлопина И.Н. - "Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы" и др.

Задача нашего исследования - систематизация, историографический анализ общего хода накопления археологических знаний по памятникам эпохи бронзы Средней Азии.

Объем нашей работы не позволяет дать исчерпывающей информации об истории полевых исследований памятников эпохи бронзы огромного ареала Средней Азии, поэтому при характеристике археологических культур мы будем описывать лишь ведущие комплексы.

Географическая обширность Средней Азии (з рамках границ Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии) обусловила большое разнообразие природных условий. Последние оказали и оказывают воздействие на образ жизни и характер культуры различных этнических групп, населявших этот огромный регион. Это и определило сложность культурных и исторических процессов в древности. Исходя из последнего, историографический обзор памятников эпохи бронзы Средней Азии мы решили дать в соответствии с границами древних культурно-исторических областей, а не по географическим регионам.

Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

§ I. Культуры типа древневосточной цивилизации

Археологические открытия последних десятилетий в Средней Азии продемонстрировали особое значение эпохи бронзы, когда в южных районах Средней Азии формируется высокоразвитая культура раннегородского типа.

Памятники типа древневосточной цивилизации сейчас достаточно широко изучены в пределах периодов ранней, развитой и поздней бронзы. Они находятся в четырех географически различных районах: 1) в подгорной полосе Копет-Дага, 2) в Мургабском оазисе, 3) долине р. Сумбар в Западном Копет-Даге и 4) в подгорной равнине Кутитангтау на юге Узбекистана.

Анау - остатки древних земледельческих поселений, расположенные у современного селения того же имени в 12 км к востоку от Ашхабада. Мировую известность приобрели северный и южный холмы Анау, являющиеся остатками оседлоземледельческих поселений энеолита и бронзы.

Впервые материалы с комплексов Анау были получены в конце XIX в... В 1886 г. начальник Закаспийской области генерал А.В. Комаров обра-

тил свое внимание на высокий холм, расположенный у сел. Анау. Он приказал перерезать его поперек широкой траншеей, рассчитывая раскопать богатое царское захоронение, подобное тем, которые были найдены в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, но его расчеты не оправдались (Хлопин, 1964, с.3). Вместо ожидаемых сокровищ из-под лопат производивших раскопки солдат появились черепки разбитых глиняных сосудов, покрытых красочными узорами, каменные орудия и кости скелетов. Сведения об этих раскопках были включены в общий обзор древностей Закаспийской области (Комаров, 1888, с.24-26).

В 1903 г. Туркестанский край посетил Р.Пампелли, американский геолог, от Института Карнеги в Вашингтоне. Заехав на холмы у сел. Анау, он собрал небольшое количество расписной керамики в отвалах траншеи А.В.Комарова. На следующий год с разрешения Императорской Археологической комиссии он получил Открытый лист и приступил к раскопкам¹. Поскольку сам Р.Пампелли не был археологом, в экспедиции принял участие известный немецкий археолог Г.Шмидт. Общее же наблюдение за работами иностранцев Археологическая комиссия поручила В.В.Бартольд, который в то время производил раскопки в Самарканде. Последний лично не мог присутствовать в Анау и функции наблюдателя были возложены на специального чиновника из Ашхабада. По условиям Открытого листа Р.Пампелли и Г.Шмидту было предоставлено право издания материала, который необходимо было переслать в Археологическую комиссию для последующей передачи в один из музеев России.

Раскопки Р.Пампелли и Г.Шмидта не отличались тщательной методикой и большим объемом. В ходе работ на Северном холме Анау были зачищены обрезы траншеи А.В.Комарова, пробиты горизонтальные штольни и колодцы, заполнены небольшие раскопы и шурфы на разных уровнях по склонам холма. Таким же раскопам был подвергнут и Южный холм. Результаты работ были изучены в 1908 г. в двух томах с многочисленными рисунками, фотографиями и цветными таблицами. Была составлена хронологическая шкала: Анау I и II относятся к концу 5-го - 4-му тыс. до н.э.; Анау III датируется 3-2-м тыс. до н.э.; Анау IV относится к 10-4 вв. до н.э. (Pampelly, 1906, v. I-II). Такое издание принесло холмам у сел. Анау широкую известность, хотя, как мы можем судить в настоящее время, это было небольшое и бедное поселение древних земледельцев подгорной полосы Копет-Дага.

После раскопок Р.Пампелли бугры у с. Анау в течение долгого

1. Архив ЛОИА, ф. Археологической комиссии, 1904 г., д. № 24.

времени оставались единственным известным памятником древних земледельцев на юге Средней Азии.

Разведки 20-х и 30-х годов показали, что памятники типа Анау имеют широкое распространение в прикопетдагской полосе.

Почти через 20 лет, в 1926 г., инженер-ирригатор и агроном Д.Д.Букиннич во время гидрогеологических работ на ручье Кельте-Чинар у холмов Анау открывает культурный слой на глубину 7 м от современной поверхности и проводит археологические обследования.

Следует отметить, что в изучении первобытной археологии Туркмении Д.Д.Букиннич сыграл большую роль. Выдвинутые им идеи, касающиеся ряда археологических проблем и особенно относящихся к начальным этапам возникновения первобытного орошаемого земледелия, остаются в целом почти неизменными до настоящих дней и подвергаются новейшим работам не только археологов, но и геоморфологов. (Букиннич, 1924, с.3-4; Кесь, Костюченко, Лисицына, 1980, с.6-II).

С 1930 г. изучением культуры древних земледельцев занимается ашхабадский археолог А.А.Марущенко. В 1931-1937 гг. А.А.Марущенко проводит дополнительное обследование холмов Анау. Вместо устаревшей четырехэтажной схемы Р.Пампелли А.А.Марущенко выдвигает новую периодизацию, состоящую из 12 фаз (Марущенко, 1939, с.101-103).

За три десятилетия А.А. Марущенко открыл и обследовал большинство из известных ныне памятников. Но, к сожалению, результаты его довоенных работ почти не опубликованы, не считая краткого и общего очерка развития культуры древних земледельцев, предложенного им в основном на сравнении подъемного материала различных поселений (Марущенко, 1939).

В послевоенный период, в 1947 г., ИТАКЭ, возглавляемая М.Е.Масоном, еще не имела специального отряда для изучения поселений древних земледельцев. При обследовании маршрута Исидора Харакского из Нисы в Антихию Маргианскую был осмотрен и заложен шурф на Северном холме Анау и изданы образцы керамических изделий (Ершов, 1956, с.24-36).

В 1949 г. в составе ИТАКЭ был создан XIV отряд, который начал систематические исследования древнеземледельческих поселений. Коренной перелом в изучении древнеземледельческих поселений наступил в 1952 г., когда XIV отряд ИТАКЭ возглавил Б.А.Куртин. Им было обследовано около 20 древних поселений от Ашхабада на западе до Меона и Теджена на востоке.

Основной и несомненной заслугой Б.А.Куфтина является создание

новой периодизации "культур Анау", разработанной им на материале шурфов Намазга-депе. Она намного полнее периодизации Пампелли-Шидта и А.А.Марущенко (Куфтин, 1956, с.260-290).

Стратиграфическая колонка, сопоставленная Б.А.Куфтиным с Анау:

Анау I А	-	Нет
Анау I Б	-	Намазга I
Анау II	-	Намазга II
Нет	-	Намазга III
Нет	-	Намазга IV
Анау III	-	Намазга V
Нет	-	Намазга VI

Хронологические рамки периодизации Б.А.Куфтина охватывает время с 5 до середины 2 тыс. до н.э.

Дальнейшие исследования археологов Средней Азии на Намазга-депе, Геоксире, Кара-депе, Алтин-депе, Сапали-депе и др. значительно расширили сведения по истории племен создателей культуры Анау.

Намазга-депе - остатки поселения (площадь около 100 га, толщина культурных слоев до 34 м) эпохи энеолита и бронзы, в 7 км от железнодорожной станции Каахка Туркменской ССР.

В 4-2 тыс. до н.э. Намазга-депе крупнейший центр протогородской цивилизации Средней Азии.

В 1917 г. археолог-энтузиаст, по специальности инженер-ирригатор Д.Д.Букинич, используя свои служебные поездки по Закаспийской области, обнаружил гигантское поселение, известное у местных жителей как Намазга-депе. В 1924 г. Д.Д.Букинич проводит повторное обследование Намазга-депе и поднимает вопрос перед Туркомстарисом о производстве там специальных раскопок. В 1928-1929 гг. Туркомстарис совместно с Туркменкультуром организовал Хаверанскую экспедицию под руководством А.А.Семенова, которая обследовала археологические памятники подгорной равнины Копет-Дага, в том числе, были проведены шурфы на Алтин-депе. Но поскольку А.А.Семенов основное внимание уделял мусульманским древностям, он только дал описание материала без какой-либо исторической интерпретации (Бердиев, 1967, с.128).

Спустя 20 лет, в 1949-1950 гг., XIV отряд БТАКЭ под руководством П.А.Литвинского предпринял первые стационарные раскопки на Намазга-депе.

В 1952 г. в Туркмению приезжает Б.А.Куфтин и в результате двухмесячных изысканий производит подлинный переворот в представле-

ниях о развитии культур древних земледельцев. "Главной задачей этих исследований, - писал Б.А.Куфтин, - было установить с первого же года наших работ, в дополнение и взамен старой анауской, новую стратиграфическую колонку для всего подлежащего изучению периода жизни оседло-земледельческого поселения предгорной зоны Копет-Дага в эпоху энеолита и бронзы вплоть до становления классового общества" (Куфтин, 1956, с.266). Для составления такой стратиграфической колонки Б.А.Куфтин исследовал поселение Намазга-депе и "Вышку" Намазга-депе.

Анализ полученного материала позволил Б.А.Куфтину выделить шесть комплексов, которым он дал названия Намазга I-VI. Работы на Кара-депе у Артыка, Сарманча-депе у Арман-Сагата, на Яссы-депа и Намазга-депе позволили Б.А.Куфтину выдвинуть ряд положений, причем некоторые из них не утратили своего значения и по сей день. Так, отнесение им слоев Намазга I-II к эпохе раннего металла (а не неолита) подтвердилось последующими раскопками: сложение патриархальных отношений в эпоху Намазга II также в целом не противоречит взглядам исследователей. Это можно сказать и об увязке им слоев Намазга I-II с культурами Месопотамии. Однако не все выводы Б.А.Куфтина выдержали испытание времен. Так, нельзя согласиться с его мнением, что уже в эпоху Намазга-I "мы имеем дело с племенами..., умевшими, несомненно, пользоваться живой тягловой силой" (Куфтин, 1956, с.28). Как представляется в настоящее время, о применении тягловой силы скота можно говорить, и то предположительно, лишь со времени Намазга III (Массон, 1957, с.42). Дальнейшими раскопками было установлено, что стратиграфическая колонка Намазга-депе не может быть без оговорок применима ко всем земледельческим памятникам.

Периодизация Б.А.Куфтина отражает только относительную хронологию, но облик культуры каждого этапа на других поселениях не всегда соответствует тому, что представлено в шурфах Намазга-депе. Несмотря на некоторые недостатки работ Б.А.Куфтина, как отмечает В.М.Массон, "полученные результаты, даже в их первичном осмыслении, оказались исключительно плодотворны, дав ряд четких положений к истории человеческого общества на территории Южного Туркменистана нормы патриархально-общинного строя" (Массон, 1954, с.92). В 1953, 1955-1957 гг. А.Ф.Ганялин осуществляет значительные раскопки на Намазга-депе как с целью изучения его стратиграфии, так и комплексов времени развитой бронзы. Им был раскопан участок к югу от "Вышки", где выявлено несколько самостоятельных комплексов и около 20 керамических печей для обжига посуды (Масимов, 1965, с.31). В 1970 г.

вновь предпринимаются попытки доисследования Намазга-депе А. Я. Штенко.

Анализ всего материала позволяет представить возникновение и развитие протогородской цивилизации Средней Азии.

Для Намазга I (конец 5-го-начало 4-го тыс. до н.э.) характерны дома из сырцового кирпича, одиночные скорченные погребения, лепная от руки посуда с одноцветной росписью, медные изделия, женские статуэтки. Население было сосредоточено в северной части поселка.

В Намазга II (середина 4-го тыс. до н.э.) появляется посуда с двуцветной росписью.

В Намазга III (конец 4-го - начало 3-го тыс. до н.э.) появляется посуда с изображениями животных, имеющими аналогии в Иране (Сиалк III, Гисар I-II).

В пору Намазга IV (сер. и 2 пол. 3-го тыс. до н.э.) поселение с площадью 100 га имело обводную стену из сырцового кирпича, входит в употребление гончарный круг.

Намазга V (начало 2-го тыс. до н.э.) - это время наивысшего расцвета местной культуры. Характерны: нерасписная гончарная посуда, двухъярусные керамические печи, медные и бронзовые изделия (ножи, печати, зеркала), плоскостные терракотовые фигурки женщин, глиняные модели одноосных и двухосных повозок. Дома большие многокомнатные, разделенные уголочками. Намазга-депе этого времени, наряду с Гиссаром и Мундигаком, - один из важных центров племенных групп, располагавшихся на периферии городских цивилизаций Месопотамии и Инда и находящихся на стадии разложения первобытнообщинных отношений.

Намазга VI (сер. и 2-я половина 2-го тыс. до н.э.). Отмечен упадок культуры. Площадь поселения сокращается в несколько раз, глиняные изделия грубеют. Многие исследователи связывают это время с перемещениями племен в Иране, Средней Азии, Афганистане и Индии.

Алтын-депе - поселение протогородского типа, расположенное на подгорной равнине, примыкающей к невысоким юго-восточным отрогам, неподалеку от русла горной речки Меана-Чача. Алтын-депе - второй по размерам памятник эпохи бронзы Южной Туркмении, его площадь 26 га. Впервые он был исследован специалистами в 1929 г. в ходе работ Хаверанской экспедиции, возглавлявшейся А. А. Семеновым (Семенов, 1946, с. 14-17). Затем Алтын-депе неоднократно посещалось рядом ученых, хотя в большинстве своем результаты обследований не получили отражения в печати.

Участники ЦТАКЭ рано обратили свое внимание на Алтын-депе -

оно было обследовано в 1949 г. XII отрядом. И тогда же было отмечено, что по облику материала верхние слои городища хронологически близки верхним наслоениям Намазга-депе. В 1952 г. в процессе широкомасштабных работ по изучению древнеземледельческих поселений Южно-Туркменистана Б.А.Куфтин, возглавивший XIV отряд ИТАКЭ, осмотрел Алтын-депе и собрал там яркий подъемный материал, в том числе коллекцию терракот (Куфтин, 1954, с.25-31). Затем в 1953 г. А.Ф.Ганялин заложил на городище два небольших шурфа, углубленных до 3,5 м и давших представление о характере археологического материала, сохранившегося в архаичных слоях (Бердыев, 1971, с.7-10).

В 1959-1962 гг. раскопки были продолжены, причем, в них, помимо А.Ф.Ганялина, принимали участие А.А.Марущенко, Д.Д.Дурдыев, Е.А.Атагарриев и О.К.Бердыев. Обнаружены остатки мощной стены из сырцового кирпича, произведено вскрытие группы строений верхнего слоя, где встречены интересные материалы, в частности, два замурованных в стену клада с импортными вещами. К сожалению, полевая документация велась не на должном уровне, а объективность изучения археологических комплексов порой подменялась стремлением доказать то или иное априорное соображение (Массон, 1981, с.12).

С 1965 г. большую работу по археологическому исследованию в раскопках Алтын-депе проводили Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция Академии Наук Туркменской ССР (ИТАКЭ) и Каракумская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Эти исследования дали большой и интересный материал.

После продолжительной работы стало очевидным, что Алтын-депе - крупный центр, содержащий непрерывные напластования развитого бронзового века (или Намазга У, разработанной в Южной Туркмении по шкале относительной хронологии). Второй такой крупнейший центр, Намазга-депе, хотя и превосходил Алтын-депе по площади, уступал ему степени сохранности верхних слоев, нарушенных на большей части городища поздним кладбищем. Это и определило выбор Алтын-депе в качестве объекта для постоянных, многолетних изысканий. Организация работ была направлена в первую очередь на изучение структуры памятника времени Намазга IV и V, а также на исследование генезиса археологического комплекса.

В 1965 г. основные усилия ИТАКЭ и Каракумской экспедиции были направлены на исследование мощных сырцовых стен, вскрытых на "холме стены" в предшествующие годы. В 1966 г. работы на стратиграфическом раскопе были продолжены. Материалы этих двух сезонов позволили говорить о существовании на юге Средней Азии в эпоху бронзы своеобраз-

разной протогородской цивилизации.

Для изучения характера южнотуркменистанского общества поры развитой бронзы особенно важны работы 1967-1969 гг., когда был открыт и детально исследован монументальный культовый комплекс (Массон, 1969, с.19-26).

В 1969-1970 гг. изучались ранние слои в траншее раскопа I. Материалы периода ранней бронзы представлены в шести строительных горизонтах (Алтын 8-4) и характеризуют последовательное развитие комплекса.

В 1970-1971 гг. работы велись параллельно в двух направлениях: широкомасштабное вскрытие специфических подразделений древнего города и детальное изучение всей 30-метровой толщи культурных напластований Алтын-депе.

Возрастание масштабов работ способствовало новым открытиям. В 1972 г. при раскопках культового комплекса на уровне третьего строительного горизонта была открыта жреческая гробница с богатыми подношениями, в том числе, с золотыми головами быка и волка (Массон, 1974, с.60-66).

В 1973-1978 гг. проводились широкие исследования, превратившие Алтын-тепе в наиболее изученный памятник бронзового века Средней Азии и прилегающих областей. Сенсационной явилась находка в 1975 г. в "квартале знати" - печати с надписью харапского типа (Массон, 1977, с.15-23).

В 1973, 1977-1979 гг. в широких масштабах ведутся исследования строений времени ранней бронзы. В результате исследований было установлено, что слои, содержащие материалы поры Намазга IV, имеются на всей площади памятника и представлены 5-6 строительными горизонтами общей мощностью около 4 м.

Такова краткая хроника исследовательских работ, проводившихся на одном из крупнейших памятников эпохи бронзы в Южном Туркменистане - Алтын-депе и объединивших многих исследователей. В первые годы активными участниками здесь были И.Н.Хлопин, В.И.Сарианиди, А.Я.Щетенко.

Несколько лет руководил раскопками на отдельных участках А.Ф.Ганглин. Постоянно действующая экспедиция (ИТАКЭ) стала базой подготовки кадров, своего рода учебно-методическим центром, в поле регулярно проводились заседания и занятия с участвующими в раскопках студентами Ленинградского и Ашхабадского университетов.

Анализ археологических исследований позволяет заключить, что

Алтын-депе в период ранней и средней бронзы (или времени Намазга IV-V) представлял собой поселение раннегородского типа со сложной внутренней структурой, в которой получили отражение и социальная дифференциация общества, и такие проявления, как функции ремесленного и идеологического лидерства. Цивилизация Алтын-депе (конец III - начало II тыс. по традиционной хронологии) была естественной составной частью всего древневосточного культурного ареала (Массон, 1981, с.129).

Гибель раннегородского центра бронзового века, чьи руины носят ныне название Алтын-депе, в свете новых археологических работ выступает не как катастрофическое явление, а как постепенный упадок и запустение. К концу периода развитой бронзы вся восточная часть поселения, включая "квартал знати" и монументальный культовый центр, забрасывается, жизнь теснится лишь в его западной половине.

Нет никаких следов разрушений, однако, судя по всему, жители покидали свои дома, унося имущество и лишь изредка радуя археологов забытыми сосудами. В.М.Массон отмечает, что передвижение оседлоземледельческих племен в период поздней бронзы из подгорной полосы в дельту Мургаба может объясняться ростом населения, приведшим к противоречиям с ограниченными возможностями ирригационного земледелия (Массон, 1959, с.110). Открытие И.С.Масимовым келлежинского комплекса времени Намазга V на Мургабе не оставляет сомнений в том, что именно туда, на восток, направилась по крайней мере часть обитателей подгорной полосы (Масимов, 1982, с.73-75).

Проблема полного упадка Алтын-депе и одновременно частичного запустения другого аналогичного центра подгорной полосы - Намазга-депе - может рассматриваться и в более широком плане, поскольку одновременно приходят в запустение некоторые центры в Иране и Индостане (Гисар, Тиренг-тепе, Шахри-Сохте) и обе столицы древнеиндийской цивилизации: Хараппа и Мохенджо-Даро (Массон, 1981, с.130). Цивилизация Алтын-депе является выдающимся достижением древних племен и народов Средней Азии, лежит в основе последующего развития оседлой культуры данного региона, достигает особого взлета в античную эпоху в Парфии, Бактрии, Согде и Хорезме.

Сапалитепе - поселение высокоразвитой оседлой культуры древневосточного облика середины II тыс. до н.э. впа Узбекистана. В отличие от памятников раннегородского типа впа Туркмении, история изучения протогородской культуры Узбекистана охватывает незначительный отрезок времени.

Сапалли-тепа был открыт в 1968 г. Л.И.Альбаумом на территории третьего отделения совхоза "Советобад" Гагаринского района Сурхандарьинской области. Право исследовать Сапалли-тепа было предоставлено экспедиции института археологии АН УзССР под руководством А.Аскарова.

Поселение Сапалли-тепа расположено на берегу одного из древних русел горного ручейка родникового происхождения, стекающего с Кушитангтау (юго-западные отроги Гиссарского хребта). Сай, где возникло поселение Сапалли-тепа, в настоящее время носит название "Улан-булаксай" (поцдий родник) (Аскаров, 1973, 1977 г.).

Стационарные раскопки, начатые в 1969 г., продолжались с перерывом в 1970 г. до весны 1974 г.

В ходе многолетних планомерных работ вырыта укрепленная часть поселения - крепость, выявлены общая планировка поселения и внутреннее устройство жилищ. Остатки строений лежат на разных уровнях четких прослеживаемых в стратиграфии культурных слоев мощностью до 2,5 м. Выявлено три основных строительных горизонта. В поселении Сапалли-тепа исследовано 138 погребений. Основную массу составляют одиночные погребения - 125 могил, в 13 могилах встречены коллективные захоронения (Аскаров, 1977, с.38).

Памятники культуры Сапалли разбросаны по трем районам в пределах Шерабадского и Шурчинского древнеземледельческих оазисов. Первая группа памятников расположена вдоль сухого русла Уланбулак-сая, вторая - по руслу Бустансая, третья - по руслу Кызылсая, одно из дельтовых протоков Ходжипака.

Памятники уланбулаксайской группы представлены тремя поселениями: Сапалли-тепа, Культепа и Кичиктепа.

Памятники, открытые по правому берегу Бустансая, названы джаркутанскими, а по левому берегу - бустанскими. В эту группу памятников входят поселения Джаркутан 1,2, Бустан 1,2,3,5. Стационарные раскопки проводились на могильниках Джаркутан 4 и Бустан 3 (Аскаров, 1972, с.13).

Третья группа - это поселение и могильник Молали, поселение Миршади, расположенные в Шурчинском оазисе. Поселение Миршади обнаружено и предварительно обследовано Г.А.Пугаченковой и ее учениками Беляевой и Хакимовым в 1972-1973 гг. (Пугаченкова, 1972, с.47-79; Беляева, Хакимов, 1973, с.35-38). Могильник Молали и одноименное с ним поселение были открыты Б.Тургуновым в 1970 г. (Беляев, Хакимов, 1973, с.38-43). Раскопан только могильник, а на поселении собран подъемный материал (Аскаров, 1977, с.13).

Широкое вскрытие поселения Сапалли-тепа, могильников Джаркутан и Лустан, Молали, стратиграфическое изучение поселения Джаркутан позволили подразделить сапаллинскую культуру на три этапа и проследить на широком материале развитие хозяйства и бытового уклада земледельцев Южного Узбекистана, для которых характерен высокий уровень ремесла.

Наиболее ранний этап сапаллинской культуры - сапаллинский - синхронизируется с комплексами времени позднего Намазга V и раннего Намазга VI. В абсолютной хронологии для него предлагается дата 1700-1500 гг. до н.э. Из двух нижних строительных горизонтов поселения Сапалли-тепа и соответствующих им захоронений получен большой фактический материал, характеризующий материальную культуру этого этапа.

Второй этап культуры Сапалли - джаркутанский - находит близкие параллели с комплексами времени раннего и развитого Намазга VI и датируется 1500-1350 гг. до н.э. Достаточно полный материал, характеризующий этот этап, получен из верхнего строительного горизонта поселения Сапалли-тепа и соответствующих ему могил Сапалли, а также из поселения и могильника Джаркутан.

Завершающий этап культуры Сапалли - молалинский - соответствует комплексам позднего Намазга VI, абсолютная хронология его определена в пределах 1350-1000 гг. до н.э.

Для выделенных этапов характерно наличие сырцово-архитектуры в жилищном строительстве, оборонительной фортификации с функциональным назначением помещений и квартальное расчленение жилищ с уличной планировкой. Во всех периодах Сапалли необычайно высоко были развиты ремесла - металлургия, керамическое производство, обработка кости, камня и ткачество.

О происхождении культуры имеются разные мнения. Носители культуры Сапалли рассматриваются Аскарковым как пришлое население из собственно среднеазиатских древнеземледельческих общин анауско-намазгинского круга подгорной полосы Южного Туркменистана. На всех этапах своего развития они были тесно связаны с древнеземледельческими племенами подгорной полосы Южного Туркменистана (Алтын, Намазга, Улуг) Северо-восточного Ирана (Тепе Гиссар, Шах-тепе), Гильмендской долины (Мундигах, Шахри Сохта), древнегородской цивилизации долины Инда (Хараппа, Мохенджо-Даро, Постхаралла) и скотоводческими племенами Бешкентской и Вахжской долины (Ранний Тулгар, Тигровая Балка, Ойкуль) (Аскарков, 1977, с.23).

Е.Е.Кузьмина выводит Сапалли из Заманабинской культуры, ссылаясь на то, что поселение Сапалли-тепа, придерживается катакомбного обряда захоронения и по сему является чуть ли не потолком культуры Заман-Баба (Кузьмина, 1972, с.134-135). Однако исследователь данной культуры А.А.Аскарлов отрицает это положение и считает невозможным выводить Сапалли из Заманабинской культуры (Аскарлов, 1973, с.119).

В.И.Сарианиди, основываясь на наличии серой керамики и отсутствии мелкой коропластики в памятниках Дашлы, Сапалли, считает, что обитатели земледельческих поселений Древней Бактрии переселились из Северо-Восточного Ирана где-то во второй половине II тыс. до н.э. (Сарианиди, 1976, 1977). А.А.Аскарлов, анализируя весь древнебактрийский комплекс, особо не возражая В.И.Сарианиди, вместе с тем отмечает, что тезис последнего не очень аргументирован (Аскарлов, 1977, с.156).

В.М.Массон полагает, что культура сапаллийцев генетически теснейшим образом связана с южнотуркменистанским комплексом Намазга У. "Перед нами явный результат продвижения организованных масс населения с высокоразвитой культурой урбанизованного облика в новые районы обитания" (Массон, 1981, с.131).

Открытие сапаллинской культуры (приамударьинский очаг древневосточной цивилизации) позволяет по-новому подойти к урбанистической проблеме архаического и античного периодов Узбекистана. Принятие ее в качестве генетической базы урбанистической культуры Бактрии, Согда и Хорезма позволяет раскрыть местные корни, восходящие к эпохе поздней бронзы, объясняет широту социально-экономической базы и органичность ее перерастания в античную городскую культуру.

К числу новых открытий памятников протогородской цивилизации относятся исследования в 1975 г. в дельте Мургаба памятников эпохи бронзы Келлелинского оазиса, расположенного в 120 км к северу от г.Мары (Масимов, Ляпин, 1976, с.552).

С 1980 г. Мургабская археологическая экспедиция Института истории АН ТуркмССР под руководством И.С.Масимова проводит стационарные раскопки на поселениях Келлели I, 4 и 6. Они являются самыми ранними в древней дельте Мургаба и относятся к периоду Намазга У, т.е. к началу II тыс. до н.э. (Масимов, 1983, с.74).

Раскопки памятников Келлели дали материалы, позволяющие пересмотреть ранее выдвинутое мнение о времени его освоения первыми земледельцами. Археологический материал позволяет установить, что первая колонизация Мургаба относится к началу II тыс. до н.э., ког-

да пришельцы, вероятно, с подгорной полосы занимали нынешнюю территорию Келделинского оазиса.

Исследования в 1977-1979 гг. в долине р.Сумбар могильника Пархай II трудно переоценить, ибо это первый обособленный могильник периода ранней бронзы. Раскопки ведет Сумбарская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР совместно с БТАКЭ под руководством И.Н.Хлопина.

Могильник Пархай II содержит разновременные захоронения от середины IV до II тыс. до н.э. В количественном отношении, хотя раскопки могильника еще далеки от завершения, материал огромен: в 120 погребальных камерах остатки более 2200 погребенных. Исследования последних показали, что сумбарская культура поздней бронзы - закономерное и генетическое завершение культурно-исторической колонки Юго-Западной Туркмении (Хлопин, 1983, с.87).

На протяжении всей истории накопления археологических знаний древнеземледельческих памятников протогородского типа неоценимый вклад вносили в археологическую науку такие ученые как А.Ф.Ганалин, А.А.Марущенко, И.С.Масимов, А.Я.Шетенко, Б.А.Куфтин, Х.Дуке и др. В раскопках таких крупных памятников как Кар-депе у Артыка, Геоксюр I, Алтын-депе, Улуг-депе, Сапалли велика роль В.М.Массона, В.И.Сарианиди, И.Н.Хлопина и А.А.Аскарова.

§ 2. Памятники времени упадка протогородской цивилизации

Оседлоземледельческие комплексы Средней Азии в пору поздней бронзы являются продолжением старых традиций, несмотря на известный застой и упадок. Рассматриваемый период определяется временем позднего Намазга VI, (вторая половина II тыс. до н.э.), начало которого связано с появлением серой и красноангобированной керамики, а конец - с появлением лепной расписной керамики типа Яз-депе I. Памятники этого времени сосредоточены в четырех районах: 1) в подгорной полосе Копет-Дага, 2) в дельте Мургаба, 3) в долине р.Сумбар, 4) в приамударьинском регионе.

Характерной чертой поселений поздней бронзы является их небольшая величина. Крупных центров типа Намазга-депе, Алтын-депе, нет, они пришли в упадок и их оплывшие руины нередко используют в качестве кладбища. Определенный упадок и огрубление отмечаются и в керамическом производстве. Кризис эпохи бронзы отрицательно сказался и на развитии общественных отношений.

История изучения памятников времени Намазга VI сравнительно коротка, она практически связана с периодом, когда в 1946 г. была организована Джотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ДЖАКЭ), приступившая с начала 50-х годов к изучению памятников земледельческих культур. И уже в 1950-1955 гг. первые ее отряды (Б.А.Куфтин, В.М.Массон, А.А.Марущенко, А.Ф.Ганялин) обнаружили и обследовали наиболее крупные поселения и могильники культуры Намазга VI: Елькен-депе, Аучин-депе, Янги-кала, Теккем-депе, Тахирбай 3, Мадау-депе, Изат-Кули, "Вышка" Намазга-депе и др.

Долгое время оставался вне внимания исследователей соответствующий слой этого времени с памятников Анау. В 50-х годах В.М.Массон впервые, рассматривая памятники подгорной полосы времени Намазга VI, ставит вопрос о выделении соответствующего слоя из раскопок южного холма Анау (Анау III). Он дает более дифференцированную стратиграфию южного холма Анау (Массон, 1956, 37-39), выделяет слой мощностью 3,5 м и определяет площадь поселения этого времени - около полутора гектаров (Массон, 1959, с.98-100).

В 1954 г. Б.А.Куфтин осуществляет значительные стационарные раскопки верхнего слоя поселения Намазга и на "Вышке" с целью уточнения ее стратиграфии (Куфтин, 1956, с.18).

Как мы уже отмечали, в пору Намазга VI большая часть поселения была заброшена, и жизнь сосредотачивается в его северной части, где соответствующие слои и образовали высокий бугор, известный под названием "Вышки". Площадь располагавшегося здесь поселения не превышает 2 га. Для сравнения отметим, что заброшенная часть бывшего поселения времени Намазга V занимала площадь до 70 га. В 1955 г. на этой территории А.Ф.Ганялин вскрыл несколько погребений времени Намазга VI (Ганялин, 1956, с.47).

Неподалеку от Намазга-депе находится другое поселение интересующей нас культуры - Теккем-депе, расположенное в 5 км к юго-западу от Каахка. Это первое однослойное поселение времени Намазга VI было открыто и исследовалось А.Ф.Ганялиным в 1952-1954 гг. Мощность культурных слоев достигает 6 м, то есть приблизительно той же величины, что и на Намазга-депе. Само поселение, подобно намазгинской "Вышке", занимало площадь около 2 га (Ганялин, 1956, с.69-71).

А.Ф.Ганялину мы обязаны и открытием в 1951-1952 гг. Янги-Калинского могильника, расположенного у одноименного селения. Этот могильник как нельзя лучше демонстрирует новые традиции в погребальном обряде памятников времени Намазга VI, когда появляются могильные комплексы на значительном расстоянии от поселения. Всего

исследовано 7 грунтовых погребений. Кроме сосудов, обнаружены бронзовые украшения.

С 1953 г. начались раскопки поселения Елкен-депе, проводимые А.А.Маруценко, которые частично продолжались в 1955-1956 гг. Были выявлены основные элементы планировки и намечены три этапа его истории: Елкен I (вторая половина II тыс. до н.э.); Елкен II (конец II тыс.-нач. I тыс. до н.э.); Елкен III (VII-IV вв. до н.э.). Поселение Елкен-депе являлось центром подгорной равнины Юго-Восточного и Центрального Копет-Дага (Маруценко, 1959, с.47-49).

В 1954-1955 гг. ЮТАКЭ производила широкие раскопки древнемаргянских поселений эпохи бронзы и раннего железа в дельте Мургаба.

В.М.Массон, положивший начало в первой половине 50-х гг. изучению древнеземледельческих памятников бронзового века низовий Мургаба, первым обратил внимание на своеобразие местной культуры, назвав ее мургабским вариантом культуры Намазга VI (Массон, 1959, с.12-28). Впоследствии его тезис был полностью доказан и развит вслед за открытием в 1972 г. В.И.Сарианиди крупнейшего памятника Гонур-депе и сплошным обследованием, приведшим к обнаруживанию новых памятников эпохи бронзы (Масимов, 1982, с.73).

В хронике открытий памятников поздней бронзы дельты Мургаба наибольший интерес представляют исследования XIV отряда ЮТАКЭ в 1954-1956 гг. на поселениях Тахирбай 3 и Аучин-депе, которые исследовались В.М.Массоном и В.И.Сарианиди (Массон, 1959, с.12-19). Наиболее ранним из них авторы полагают Аучин-депе, представляющее собой небольшой холм, культурные слои которого достигают 1,5 м.

К несколько более позднему времени относится поселение Тахирбай 3, занимавшее площадь около 2 га.

После длительного перерыва работы по изучению памятников этого района возобновились в 1972 г., когда В.И.Сарианиди были проведены небольшие раскопки на поселениях Аучин-депе и Тахирбай.

В этом же году был обнаружен новый крупный оазис эпохи бронзы с центром Гонур-депе, а в 1974 г. второй аналогичный оазис с центральным поселением Тоголок-депе. С 1974 г. в обследование памятников низовий Мургаба включился и специальный отряд Института истории им.Ш.Батырова АН ТуркмССР под руководством И.С.Масимова.

В 1975-1976 гг. отрядом была обнаружена и обследована большая группа новых поселений. При этом получен чрезвычайно богатый и интересный материал, позволяющий внести много нового в изучение прошлого древней Мургабской дельты.

Одним из крупных памятников этого района, представляющих наи-

большой интерес для археологов, является Гонур-депе с прилегающие древним оазисом. Эта группа памятников была условно объединена в один из древнейших оазисов низовий Мургаба под названием Келлелинский, который находится в 120 км к северо-северо-западу от Мары. Келлелинский оазис, в отличие от других оазисов, совершенно изолирован. Он расположен "островом" среди песчаных барханов, и лишь узкая полоса такыра с южной его части напоминает, что некогда этот оазис был составной частью обширной территории земель древнего орошения, расположенной в 20 км к югу от него.

К настоящему времени в Келлелинском оазисе открыто шесть поселений и несколько точек с россыпями керамики на такыре. Характерно, что все они однослойные и относятся к одному времени. Эта особенность келлелинских памятников являет собой почти уникальную лабораторию в изучении и решении многих вопросов культуры бронзового века Туркменистана.

В настоящее время в дельте Мургаба известно более двадцати памятников Мургабского варианта Намазга VI (раскопки Массона В.М., Сарияниди В.И., Масимова И.С.).

До недавнего времени принято было считать, что первые древнеземледельческие поселения Мургабского оазиса возникают в период Намазга VI. Открытие последних лет И.С.Масимовыми Келлелинских памятников позволяет относить экспансию обитателей подгорной полосы в дельту Мургаба к началу II тыс. до н.э. (Масимов, 1983, с.73).

Следующая группа памятников времени Намазга VI представлена памятниками в долине Сумбар.

Первые археологические находки эпохи поздней бронзы стали известны в конце 20-х - начале 30-х гг. на среднем течении Сумбара, правого притока Атрека (исследования А.А.Марущенко). По раскопкам наиболее крупного поселения Мадау Марущенко отнес новый комплекс памятников к культуре Мадау и предложил датировать концом II - началом I тыс. до н.э.

Позже Мадау-депе, так же как открытые в 1961-1963 гг. X отрядом ЦАКЭ такие памятники как Изад-Кули, Чиналык-депе, Кара-Кала, были определены В.М.Массоном как памятники архаического Дахистана (Массон, 1956).

Исследование памятников эпохи поздней бронзы приобрело особенно широкий размах в 1972 г. с началом работ на могильниках среднего течения Сумбара Сумбарской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР и ЦАКЭ под руководством И.Н.Хлопина. Полевые работы проводились в 1969 и в 1972 г. на поселении Пархай-тепе, а с 1972-1976 гг. раскапывались могильники Сумбар I и II. В 1977 г. рядом с

поселением Парха-тепе был открыт еще один могильник - Пархай I.

Раскопанные в долине Сумбара погребения (200 могил, где найдено свыше 1500 предметов) содержат большой и разнообразный материал, позволивший И.Н.Хлопину выделить весь комплекс памятников в сумбарскую археологическую культуру и отнести его к XIV-X вв. до н.э. (Хлопин, 1983, с.30-55).

Результаты исследований И.Н.Хлопина нашли отражение в вышедшей монографии: "Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы".

Археологический материал рисует нам картину Туркмении и юг Узбекистана, времени Намазга VI как страну, занятую небольшими поселениями оседлых земледельцев-скотоводов.

К сожалению, новейшие исследования не разрешили проблему кривизны и хронологии Намазга VI. Наиболее дискуссионной остается хронология.

Б.А.Куфтин относил комплекс Намазга VI к середине II тыс. до н.э. (Куфтин, 1964). Для памятников типа Намазга VI в дельте Мургаба В.М.Массон предложил даты 1600/1700 - 1100/1000 гг. до н.э. (Массон, 1969). А.А.Аскарлов относит культуру Сапалли, которая синхронна Намазга VI, к 1500-1000 гг. до н.э. (Аскарлов, 1977, с.104-105). Л.И.Хлопина и И.Н.Хлопин предлагают датировать памятники культуры Намазга VI в рамках 1350-1000 г. до н.э. (Хлопина, 1978, с.18; Хлопин, 1983, с.55). В последней работе В.М.Массона в связи с удревнением даты Намазга У 2300-1850 (Массон, 1981, с.81-94) считает необходимым удредить и Намазга VI, так как они генетически едины, в чем никто не сомневается.

При рассмотрении оседлоземледельческих комплексов юга Средней Азии четко выступает тенденция поступательного развития культуры, хотя конкретная историческая обстановка обусловила известную специфику этого процесса. Исследования памятников эпохи бронзы в последние два десятилетия дали весьма богатый материал, анализ которых позволяет судить о степени развития культур времени Намазга VI.

Отмечавшийся застой и упадок культуры этого времени затронул не только области юга Средней Азии, но и Ирана. Однако это не задержало значительные передвижения различных оседлоземледельческих племен во II тыс. до н.э. как вокруг самого Иранского нагорья, так и в прилегающих к нему областях. На это могут указать и продолжающиеся связи обитателей юга Средней Азии с позднехараппскими и постхараппскими культурами долины Инда (Массон, 1966, с.176-178).

§ 3. Юг Средней Азии на пороге раннеклассового общества

В конце II—начале I тыс. до н.э. в южных районах Средней Азии шло интенсивное разложение первобытнообщинного строя и становление раннеклассового общества, о чем свидетельствуют археологические памятники и некоторые письменные источники. В рассматриваемое нами время известны три культурные области: 1) в дельте Мургаба (памятники типа Яз-депе I); 2) в Мисрианской равнине (памятники архаического Дахистана); 3) в приамударьинском оазисе (памятники типа Кучук-тепа). Это период дальнейшего развития оседлых земледельческо-скотоводческих общин.

Первые сведения о позднеземледельческих памятниках низовий Мургаба мы находим в немногочисленных публикациях первой половины нашего столетия. В 1904 г. американской экспедицией Р.Пампелли во время разведок Мервского оазиса были зафиксированы группы таких памятников как Яз-депе, Аравали-депе, Койне-депе, Уч-депе. Все они располагались на севере ныне орошаемых земель. В первом томе "Трудов" американской экспедиции опубликованы были фотографии памятников и крайне условные схемы планировки. Хенингтон в тексте упоминает, что найдено несколько фрагментов расписной керамики только на Яз-депе, на остальных же памятниках керамика обычно лишена орнамента.

Хенингтон определил принадлежность этих памятников ко времени древнейшего Анау (Массон, 1959, с.6). Г.Шмидт глиняную лепную красноангобированную посуду отнес к периоду "варварской аккупации".

В 1916 г. одно из древне-маргианских поселений - Гюмиш-депе - было обследовано Д.Д.Вукиничем, который указал на его сходство с анаускими памятниками. В 1937 г. на Гяур-Кале экспедицией Туркменского государственного научно-исследовательского института были заложены первые разведочные шурфы, материал чего, к сожалению, не опубликован. О проведенных работах сообщается Б.Б.Пиотровским (Массон, 1959, с.6-7).

Основные же работы здесь разворачиваются в послевоенное время, с 1946 г. Создается ЮТАКЭ. Крупномасштабные стационарные раскопки проводятся здесь в 1954-1956 гг. XIV отрядом ЮТАКЭ под руководством В.М.Массона. Помимо раскопок, отрядом было осуществлено маршрутное обследование территории, изучалась стратиграфия поселений, вопросы истории орошения и хронология памятников.

В 1958 г. отряд ЮТАКЭ под руководством В.М.Массона открыл на

территории рек Теджена и Мургаба новую культуру Яз-депе I. Итогом изучения этой культуры Маргианы посвящена вышедшая в 1959 г. специальная монография В.М.Массона "Древнеземледельческая культура Маргианы". Комплексы этой культуры исследованы на Яз-депе, Елкен-депе, северном холме Анау и характеризуются преобладанием керамики ручной лепки, иногда украшенной росписью, появлением первых железных изделий и двуперых втульчатых наконечников стрел из бронзы, а также сложением крупных поселений, центрами которых являлись цитадели на массивных платформах (Массон, 1956, с.12-18).

Территориально памятники типа Яз I четко распадаются на две группы. Одна из них объединяет поселения подгорной полосы - "метрополи" древнейших земледельцев Средней Азии. Другая возникает на новых местах. Четко различаются памятники двух типов: небольшие поселки и крупные центры, имеющие, однако, в отличие от центров ранней и развитой эпохи бронзы, укрепленные цитадели (Массон, 1966).

В качестве примера памятников первого типа может быть назван южный холм Анау, площадь которого (около 1 га) не изменилась со времени Намазга VI. На Елкен-депе, напротив, обжитая территория увеличивается в несколько раз, достигая 12 га (Марущенко, 1959, с.69). Слои типа Яз-депе I толщиной в 2-2,5 м в ряде случаев лежат прямо на материке, свидетельствуя, что именно в это время происходил рост поселения. Елкен-депе являлось крупнейшим поселением подгорной полосы начала I тыс. до н.э., и возможно, в нем следует видеть своеобразную столицу Северной Парфии, пришедшую на смену традиционному центру древних земледельцев Намазга-депе, от которого оно расположено в 15 км (Массон, 1966, с.184).

В свое время, когда в Маргиане был открыт комплекс Яз-депе I, было высказано предположение, что аналогичная или весьма близкая культура существовала и в Бактрии, очень тесно связанной с Маргианой в середине I тыс. до н.э. (Массон, 1966, с.189). В настоящее время на этот счет имеются более определенные свидетельства.

Так, на поселении Мундигак в южном Афганистане в слое 6, относящемся скорее всего к концу II - началу I тыс. до н.э., была найдена расписная керамика ручной лепки, почти идентичная яздепинским образцам.

В 1962 г. Л.И.Альбауму удалось обнаружить близкий по времени памятник к северу от Термеза на территории Северной Бактрии - поселение Кучуктепа. Археологическое исследование Кучуктепа началось разведочным отрядом Института Истории и археологии АН УзССР в 1963 г. и проводилось в разные (1965-1969) годы Л.И.Альбаумом (Альбаум,

1969, с. 46).

Для уточнения планировок и принципа обживания территории поселения в 1977 г. экспедиция Института археологии АН УзССР под руководством А.А. Аскарова возобновила раскопки на поселении Кучуктепа. Были дополнительно зачищены старые раскопки и заложены новые шурфы. Это помогло уточнить стратиграфию и систему фортификации памятника, залегание и распространение культурных слоев на разных участках поселения (А.Аскаров, Л.И.Альбаум, 1979).

В результате исследования установлено, что поселение представляет собой небольшой холм общей площадью 0,5 га. Высота холма - более 8 м над дневной поверхностью. Поселение состояло из двух частей: укрепленной - крепости, построенной на 4-метровой платформе, и собственно поселения, со всех сторон примыкающего к крепости. А.А.Аскаров считает, что крепость, как основное укрепленное ядро, является обособленной частью поселения, где размещались жилища вельмож или родового вождя, а за ее пределами располагались жилища рядовых общинников (Аскаров, Альбаум, 1979, с.4).

К носителям кучуктепинской культуры относятся также такие комплексы, как Миршади и Бандыхан I, исследованные в конце 70 г. Г.А.Пугаченковой (Пугаченкова, 1972, с.47-49), и верхний горизонт поселения Джаркутан. В результате исследования памятников комплекса Кучуктепа расширился ареал ойкумены с расписной керамикой, и вновь возник вопрос о происхождении племен времени расписной керамики. Проблема эта более 20 лет является предметом бесконечных дискуссий ведущих археологов Средней Азии, Ирана и Афганистана. (Массон, 1957, с.52-53; Заднепровский; 1966, с.206-207; *Casal*, 1961, р.104-119; Кузьмина, 1972, с.137-138; Сарияниди, 1972, с.29-36 и др.). А.А.Аскаров, вслед за В.М.Массоном, считает, что культура расписной керамики южного Узбекистана формируется из предшествующих памятников оседлых земледельцев (могалинский период Сапалли) и степных племен севера Средней Азии (племена андроновско-тазабагыябской общности) (Аскаров, Альбаум, 1979, с.68-72).

Начальный этап сложения культуры племен периода расписной керамики почти все специалисты относят к одному и тому же времени - концу II тыс. до н.э.

Не менее интересными комплексами этого времени являются памятники Мисрианской равнины, выделенные в 1966 г. В.М.Массоном в культуру архаического Дахистана. Среди памятников культуры архаического Дахистана можно выделить поселения двух типов. Один тип - это крупные поселения площадью в несколько десятков га (Изат-Кули,

площадь до 50 га) с центральными укреплениями, вокруг которых разбросаны отдельные усадьбы, ныне представляющие собой оплывшие холмы различной площадью и высоты. Памятников такого типа на Мисрианской равнине четыре: Тангсикылджа, Чиялык-депе, Мадау-депе, Изаткули. Другой тип - это небольшие холмы площадью не более 3-4 га, расположенные по отдельности: Тильки-депе, Чапан-депе, Едиджа-депе, Бурме-депе, Баши-депе и др.

Памятники архаического Дахистана резко отличаются от культуры Яз I и Кучук. Они характеризуются нерасписной керамикой, изготовленной на гончарном круге с ведущей формой в виде чаши на трех ножках. Среди предметов материальной культуры встречаются кремневые вкладыши серпов, бронзовые наконечники стрел.

История исследования памятников архаического Дахистана относится к периоду, когда в 1961-1963 гг. X отряд ЮТАКЭ под руководством В.М.Массона приступил впервые к планомерным раскопкам на Мисрианской равнине. В первые же годы на археологическую карту Юго-Западной Туркмении были нанесены семь известных сейчас комплексов: Тангсикылджа, Чиялык-депе, Мадау-депе, Изат-Кули и др. (Массон, 1966, с.72). В эти же годы А.Ф.Ганялин осуществил разведки в горных районах Северо-Западного Копет-Дага и в долине Сумбара (Ганялин, 1963). В районе пос.Кара-Кала и в Сайвано-Дештской долине им была обнаружена керамика типа архаического Дахистана. У пос.Дайна на верхнем Сумбаре было осмотрено место случайно найденного погребения с бронзовым втульчатым топором-теслом и тремя сосудами.

С 1968 по 1977 гг. на исследуемой территории ведутся комплексные работы палеографических, геоморфологических, почвенных и археологических изысканий. Результаты последних нашли отражение в монографии А.С.Кесь, В.П.Костыченко, Г.Н.Лисицына "История заселения и древнее орошение Юго-Западной Туркмении" и в статьях И.Н.Хлопина, раскопавшего поселение Пархай-тепе с матерьялами типа архаического Дахистана (Хлопин, 1970, 1975).

Анализ материальной культуры архаического Дахистана подтверждает единство комплекса для всех известных нам поселений.

Происхождение культуры архаического Дахистана В.М.Массон связывает с прикаспийскими областями Ирана (Массон, 1966, с.181).

По мнению Дейе (*Deshajes*, 1968), формирование памятников культуры архаического Дахистана было связано с расселением земледельческих племен из долины Горгана в конце II тыс. до н.э. из-за усиления засушливости климата. Однако в свете новых палеографических данных, выдвигаемый тезис Дейе кажется несостоятельным (Кесь,

Костыченко, Лисицына, 1980, с.47). Палеогеографы считают, что переселение земледельческих племен было связано с сокращением источников воды, это могло быть обусловлено миграцией дельтовых проток и вторичным засолением почв, что привело к опустыниванию территории.

§ 4. Памятники Чустского типа

Одним из важнейших звеньев в изучении памятников Средней Азии эпохи поздней бронзы является чустская культура, представляющая собой комплекс поселений и могильников, сосредоточенных на территории Ферганской долины.

Ферганская долина является одним из богатейших земледельческих оазисов Средней Азии. История открытия и исследования памятников бронзового века Ферганы непродолжительна. Один из основоположников археологического изучения Ферганы В.А.Латынин в 1933-1934 гг. на городище Эйлатан обнаружил архаическую крашеную керамику. Он сопоставил ее с материалами культуры Анау и на этом основании отнес к эпохе бронзы (Латынин, 1935, 1961). Повторные раскопки на Эйлатане, проведенные Ю.А.Заднепровским в 1952 г. в составе Памиро-Ферганской комплексной экспедиции (ПФКЭ) А.Н.Вернштама, и находки в том же году в могильнике Шарт (Алайская долина) аналогичной расписной керамики вместе с бронзовыми наконечниками стрел скифского типа заставили пересмотреть дату Эйлатана, отнести его к эпохе раннего железа и датировать серединой I тыс. до н.э. (Заднепровский, 1954, 1960, 1962).

Расписная керамика, несомненно, чустского типа была обнаружена Т.Г.Оболдуевой еще в 1939 г. во время работ на строительстве БЖК (Оболдуева, 1951). Однако планомерное изучение древнеземледельческой культуры Ферганы начато лишь в 1950 г., когда ташкентские археологи М.Э.Воронец и В.И.Спришевский в составе ПФКЭ А.Н.Вернштама открыли поселение севернее города Чуст. Раскопки на этом Чустском поселении М.Э.Воронца в 1951 г. и особенно систематические широкие исследования в 1953-1961 гг. В.И.Спришевского дали большие материалы и позволили охарактеризовать многие стороны культуры Ферганы эпохи поздней бронзы.

В 1952 г. Ю.А.Заднепровский обнаружил в Восточной Фергане второе, аналогичное по культуре Чусту, Дальверзинское поселение, которое в результате многолетних раскопок превратилось в эталонный памятник чустской культуры.

В истории изучения чустской культуры можно уже выделить два этапа. Первый этап охватывает период начиная с 1950 по 1962-1963 гг., когда производилось накопление и первоначальное историческое осмысление материалов, полученных в ходе стационарных раскопок на Чусте и начального этапа изучения Дальверзина (1954, 1966-1962 гг.). В эти годы были выявлены новые чустские памятники на востоке Ферганы - в Узгенском оазисе (Заднепровский, 1962), на севере (Чуланов, 1963) и в юго-восточной части (Козенкова, 1959). В результате за 10-12 лет количество памятников значительно увеличилось. Появились первые обобщения и исследования всех известных в то время материалов, которые осуществлены Ю.А.Заднепровским в книге "Древнеземледельческая культура Ферганы" (1962 г.) и В.И.Спришевским в кандидатской диссертации на тему: "Чустское поселение. /К истории Ферганы в эпоху бронзы/" (1963 г.). Сведения о чустских памятниках появились в исторических трудах (История Узбекской ССР, 1965; История Киргизии, 1966; История таджикского народа - далее ИТН, 1963).

На втором этапе, который продолжается до настоящего времени, основные раскопочные работы проводились на Дальверзине (1966-1966, 1968-1974 гг.). Завершен этап разведывательного исследования поселения, в ходе которого раскопки производились на всех трех основных частях и получен материал для определения назначения каждой из них. Наиболее важным достижением следует признать открытие цитадели и широкое изучение оборонительных сооружений (Заднепровский, 1976). Во время систематических раскопок обнаружен в нижнем горизонте новый для чустских поселений тип жилищ - землянки (Заднепровский, 1975). В эти же годы Ю.А.Заднепровский продолжал работы на расположенном рядом с Дальверзином поселении Ашкал-Тепе.

Работы на Чустском поселении были прерваны в 1961 г. Небольшие контрольные раскопки на этом памятнике провел Ю.А.Заднепровский в 1974 г. с целью уточнения вопросов стратиграфии. Проводились исследования экспедицией ЛОИА на ряде чустских поселений в Карасуйском оазисе, на горе Тахти-Сулейман в г.Сш и в Наукатском районе Южной Киргизии. Все они в совокупности значительно расширили представление об ареале чустской культуры (Дружинина, Заднепровский, 1975, 1977). В Узгенском и Карасуйском оазисах проводили исследования археологи ИИ АН КиргССР. В первом оазисе был полностью раскопан в 1966 г. многокомнатный дом Боз-Тепе, во втором проводились в 1971 г. Е.В.Дружининой (Ошский обл.музей) в составе отряда Д.Ф.Винника раскопки на небольшом поселении (материалы не опубли-

кованы).

Суммируя итоги изучения Чустской культуры, следует прежде всего отметить многократное увеличение количества чустских памятников. Если первоначально было известно два поселения, то в настоящее время насчитывается около 80 памятников. При этом особо важно подчеркнуть, что четвертая часть их изучена раскопками и шурфами, а на двух основных поселениях - Чустском и Дальверзинском - проведены многолетние раскопки и вскрыты значительные площади. Некоторые результаты новых исследований нашли отражение в ряде публикаций (Заднепровский, 1966-1977).

В совокупности все проведенные работы - труды и открытия М.Э. Воронца, В.И. Спришевского, Е.И. Козенковой, Е.В. Дружининой и др., а также многолетние исследования Ю.А. Заднепровского привели к выделению особого направления в первобытной археологии Средней Азии, посвященного изучению памятников чустской культуры Ферганы.

В настоящее время в литературе отсутствует развернутая аргументация датировки Чуста, Дальверзина и чустской культуры в целом. При определении времени этих памятников до сих пор ограничивались сопоставлением отдельных признаков материальной культуры с лучше изученными комплексами в других областях и случайными аналогиями.

М.Э. Воронец, положивший начало изучению чустской культуры, основываясь главным образом на внешнем сходстве расписной керамики этого памятника с культурами Анау в Южной Туркмении, предложил дату: конец III-II тыс. до н.э. (Воронец, 1954, с.57).

В "Истории Киргизии" А.П. Окладников принимает эту дату, несколько уточняя ее: конец III - начало II тыс. до н.э. (Окладников, 1956, с.30).

В первой публикации В.И. Спришевского отсутствует датировка Чуста, но он также сравнивает это поселение с Анау I и II и тем самым склоняется к точке зрения М.Э. Воронца (Спришевский, 1954, с.69-76).

В дальнейшем В.И. Спришевский пересмотрел датировку Чуста и отнес это поселение ко II тыс. до н.э. (Спришевский, 1957, с.72). Однако позже он принимает дату: II тыс. - начало I тыс. до н.э. (Спришевский, 1958, с.70).

Д.А. Заднепровский датировал Дальверзин и Чустскую культуру в целом периодом с конца II тыс. до начала I тыс. до н.э. (Заднепровский, 1957). Продолжение раскопок на Дальверзине позволило выделить два, а затем и три этапа в истории этого поселения. Прекращение жизни на поселении относится к VIII-VII вв. до н.э. (Заднепровский,

кий, 1959, с.219). Датировка чустской культуры в пределах конца II тыс. - начала I тыс. до н.э. получила распространение в литературе.

В нашем распоряжении нет материалов для определения времени возникновения Дальверзина и других памятников чустской культуры. Однако, опираясь на многочисленный материал и сопоставляя его со сходным материалом памятников Южного Туркменистана (Анау IV A, Яз-депе I, представляющим Анау IV A в Маргиане, Намазга VI), можно с достаточной уверенностью определить в целом время существования Дальверзина в пределах последних веков II тыс. до н.э. и первой трети I тыс. до н.э. (Заднепровский, 1962, с.65).

Памятники чустской культуры расположены группами на значительном расстоянии одна от другой. Довольно ясно выделяется дальверзинская группа. Вторую группу составляют Чуст, Кара-курган и находки на правом берегу Сыр-Дарьи.

Большинство известных сейчас памятников чустской культуры сосредоточено в восточной части Ферганской долины. Такая концентрация поселения и отдельных находок расписной керамики дает основание предполагать значительное развитие земледельческой культуры бронзового века именно в Восточной Фергане. Вполне возможно, что здесь, в силу особых благоприятных физико-географических условий, сложился в бронзовом веке центр культуры оседло-земледельческого поселения Ферганы.

В истории древней Средней Азии Фергана занимает особое положение. В период поздней бронзы по уровню хозяйства и культуры она выступала как периферия по отношению к южной Туркмении, но в то же время земледельческая культура ее была более развита по сравнению с другими областями Средней Азии.

В 70-е годы Институтом археологии АН УзССР исследуются памятники бургулукской культуры, которая была открыта А.Н.Тереножкиным в 1940 году при строительстве Ташкентского канала в правобережье р.Ахангаран. В 1971-72 гг. Ю.Ф.Буряков исследовал на правом берегу р.Ахангаран одну землянку, которая дала материал бургулукского обряда. В 1974-75 гг. Институт археологии АН УзССР направил в Ташкентскую область туябугузскую группу Шаш-Илакского отряда для дальнейшего изучения, уточнения датировок и решения вопросов о характере бургулукской культуры.

За эти годы по обоим берегам Ахангарана было раскопано 29 землянок разной степени сохранности, величины и форм, кроме того, на левом берегу выявлено еще более 10 землянок (Дуке, 1978, с.47-48).

Вопросы датировки бургулукской культуры остаются дискуссионными по сей день. Сравнивая в целом весь комплекс находок бургулукской культуры с материалами из чустских, эйлатанских и мургабатских поселений, Х. Дуже находит близкие аналогии в инвентаре чустской культуры.

Бургулукский комплекс входит в круг памятников чустской культуры Ферганской долины, Куцуктепе и Мирпада, Бандихача I в Сурхандарьинской области, Яз-депе I в южной Туркмении, Чиракчинского поселения Кашкадарьинской области и Тилля-тепе в северном Афганистане, относящихся к эпохе поздней бронзы.

Появление новых данных о распространении памятников чустского типа вызвало попытки их исторической интерпретации.

До недавнего времени чустские памятники Ферганы и синхронные памятники юга Туркмении рассматривались как изолированные и не связанные между собой явления. После открытия поселения Куцуктепе Л. И. Альбаум первым отметил, что между комплексами Парфии, Маргианы, Бактрии и Чустской культуры Ферганы имеются общие черты (Альбаум, 1969, с. 78). Кузьмина Е. Е. пришла к выводу, что близость перечисленных выше культур можно рассматривать "как явления одного порядка в общем культурно-историческом процессе" (Кузьмина, 1972, с. 136). Эти культуры она считает пришлыми и появление их связывает с приходом населения с юга (южный Афганистан) или с севера (Фергана и восточный Туркестан). Иную точку зрения выдвинул В. И. Сарияниди, объединивший памятники поздней расписной керамики в единую восточно-хорасанскую культуру, которая сложилась, по его мнению, в Иранском Хорасане и оттуда распространилась в северный Афганистан и в южные области Средней Азии (Сарияниди, 1972, 1975).

Критический анализ новых материалов дал возможность Ю. А. Заднепровскому предложить новую трактовку происхождения и распространения на территории Средней Азии культур расписной керамики. Основные положения концепции сводятся к двум гипотезам: 1) гипотеза синтеза - новые культуры появились в результате интеграции достижений местного земледельческого населения и пришлых скотоводческих племен степной бронзы; 2) гипотеза трансформации культуры, как следствие перехода местных степных племен севера к земледелию под влиянием более развитых общин юга. Последняя гипотеза позволяет понять процессы, происходившие в Согде, Шаше и Фергане, где не было более раннего земледельческого населения (Заднепровский, 1978, с. 47-48).

А. А. Аскарлов также считает правомерным существование второй ги-

потезы, ибо достигнутый степными племенами уровень развития допускает принципиальную возможность такой трансформации культур (Аскаров, 1976, с.30; Аскаров, Альбаум, 1979, с.71).

Следует отметить, что близость и в ряде случаев поразительное сходство культуры у населения отдельных частей обширной культурной общности лепной расписной керамики во многом была обусловлена однородностью и близостью хозяйственно-культурного типа, социально-экономического развития, а также родством населения, входящего в состав огромного массива племен восточноиранской этнической общности, и, кроме того, оно подкреплялось общностью генезиса культуры, в котором значительная роль принадлежала степным племенам эпохи бронзы.

Глава II. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СТЕПНЫХ КУЛЬТУР СРЕДНЕЙ АЗИИ

§ I. Памятники Заман-Баба

Большая часть Средней Азии в эпоху бронзы была заселена степными племенами. Это были поселения, оставившие сравнительно недолговременные поселки, нередко называемые поэтому стоянками. Они изготовляли лепную от руки керамику и вели производящее хозяйство с преобладающей ролью скотоводства. Подобные скотоводческо-земледельческие племена широко распространяются в бронзовом веке в степной и лесостепной зоне Евразии. Это дает основание использовать для их обозначения термин "племена степной бронзы".

Памятники этих племен стали известны лишь в 50-х годах. К этому времени археологическая наука претерпевает сложные качественные изменения. Археологи к 1957 году, не прекращая разведок, приступили к широким стационарным раскопкам и перестали базироваться пусть на многочисленном, но все же подъемном материале, научились находить памятники с непо потревоженным культурным слоем. Были сделаны открытия, подготовленные всем предыдущим ходом развития истории первобытного общества, расширились наши познания о формах разложения первобытнообщинного строя. К открытиям этого времени в области археологических исследований эпохи бронзы относится культура Заман-баба.

Эта культура была открыта и исследована в 1950-53 гг. Я.Г.Гулямовым. Заман-бабинская культура была отнесена к эпохе ранней бронзы. Здесь исследованы поселения и могильники, содержащие богатый археологический комплекс первой половины II тысячелетия до н.э.

Для культуры Заман-баба характерно наличие крупных землянок, круглодонной и плоскодонной неорнаментированной керамики, в основном ручной лепки, орудий из мышьяковистой бронзы и захоронений в катакомбах. Племена этой культуры, предшественниками которой были местные неолитические племена, занимались земледелием и скотоводством, жили в обширных жилищах полужемляночного и шалашного типа площадью 100-150 кв. м и более (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.32).

Хозяйство заманбабинской культуры было охарактеризовано Я.Г. Гулямовым как скотоводческо-земледельческое, поскольку здесь не наблюдается следов развития прочной оседлости.

В настоящее время известны два памятника этой интереснейшей культуры - поселение Заман-баба, открытое на берегу высохшего русла Гуджейли, и могильник Заман-баба, расположенный к северу от одноименного озера в низовьях Заравшана (Гулямов, 1966, с.96-112; Аскарлов, 1962, с.34-40).

На поселении Заман-баба открыты остатки нескольких землянок, причем, одна из них раскопана полностью. Могильник состоит из 8 могил с парными погребениями и 28 могил с одиночными захоронениями. Насколько можно судить по вёсам, сохранившимся в могильниках, все погребения принадлежат одному историческому этапу.

Говоря о проблеме происхождения культуры Заман-баба, можно отметить, что ряд явлений в материальной культуре Заман-бабы находит себе прямые аналогии или прототипы в памятниках земледельцев южной Туркмении и северного Ирана. Керамическая печь Заман-бабы является уменьшенным повторением горнов времени Намазга У. Есть в заманбабинском могильнике и часть сосудов, явно изготовленных где-то на поселениях южнотуркменистанских земледельцев. Все это позволяет прийти к заключению, что скорее всего именно влияние со стороны южнотуркменских общин было одним из решающих факторов, предопределивших переход к экономике производящего типа в низовьях Заравшана. Вероятнее всего, именно оттуда, с территории древних оазисов, попадали в низовья Заравшана пшеница, ячмень.

Ожидается, что влияние в весьма сильной степени отразилось на заманбабинской культуре. Однако эта культура отнюдь не является результатом непосредственного переселения в замударьинские области какой-либо группы южнотуркменистанских племен, хотя имеющиеся антропологические материалы свидетельствуют о близости долихокранного поселения Заманбабы и обитателей Намазга-депе (Зезенкова, 1953, с.37).

Большое значение в решении проблемы происхождения заманбабинс-

кой культуры сыграли исследования таких видных археологов как В.М. Массон, А. Аскарлов, В. Латынин. В.М. Массон высказал предположение, что заманбабинские племена являются потомками зеравшанских кельтеминарцев (Массон, 1962), хотя переходные этапы остаются пока неизвестными (Аскарлов, 1962).

Вскоре после открытия культуры Заман-баба в литературе появились высказывания о связи ее с ямной культурой юго-восточной Евразии (Латынин, 1958).

Археологический комплекс Заман-баба выделяется своей исключительной уникальностью. На протяжении многих лет специалисты, занимаясь исследованиями этой интересной культуры, не могли решить ряда исторических проблем, связанных с происхождением Заман-бабы, с определением точной даты существования этого памятника эпохи бронзы.

Решением этих проблем занимались видные советские ученые-археологи: В.М. Массон, В.И. Сарияниди, Я.Г. Гулямов, Е.Е. Кузьмина, Б.А. Латынин, А.А. Аскарлов. Однако к единому мнению прийти не удалось.

Большой интерес для археологической науки представляют собой работы Я.Г. Гулямова, открывшего комплекс Заман-баба и попытавшегося путем научных исследований определить время существования жизни на поселении. Но все же на протяжении последующих лет мнения специалистов менялись.

В последнее время видное место в решении этих спорных вопросов занимают работы ученых-археологов А.А. Аскарлова и В.И. Сарияниди. Используя материалы последних исследований, они высказывают свои точки зрения по этому поводу.

В 50-е и последующие годы культура Заман-баба вызвала большой интерес среди исследователей среднеазиатской археологии.

После публикации предварительного сообщения (Гулямов, 1956) на страницах журналов сразу же появились высказывания специалистов о дате и происхождении, о культурных контактах заманбабинцев с племенами как южных, так и северных областей нашей страны.

Основные признаки культуры: поселения, состоящие из обширных землянок и обнесенные по краю обводным валом; могильники с захоронением в катакомбах и простых ямах с северной ориентировкой погребенных. Погребальный инвентарь включает керамику, кремневые наконечники стрел, разнообразные бусы, в том числе характерной крестовидной формы, медные, иногда золотые и серебряные украшения.

Я.Г. Гулямов делил территорию могильника на два сектора - восточный и западный. При этом он отмечал, что в керамическом материале могил обоих секторов существенных различий нет, однако погребе-

ния восточного сектора следует отнести к более раннему периоду существования могильника.

Я.Г. Гулямов в свое время не определил абсолютную дату могильника, но наличие в комплексе нескольких вещей вызвало живой интерес со стороны других исследователей.

В.М. Массон определил, что керамика с росписью относится ко времени позднего Намазга IV. Отмечая наличие в комплексе Заман-бабы таких вещей, как глиняная статуетка, каменные крестовидные бусы, медные лопаточки, кубок на ножке из серой глины и др., он им находил аналогии среди материалов Гисар III, Намазга V и даже в комплексах более ранних этапов культуры Намазга. На основании этого хронологическая принадлежность культуры Заман-бабы была определена концом III - первой четвертью II тыс. до н.э. (Массон, 1957).

По другим же материалам она была определена первой половиной II тыс. до н.э. (Аскарлов, 1962).

Б.А. Латынин в статье "О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы" более подробно останавливается на синхронизации могильника Заман-баба с племенами ямной и катакомбной культур восточной Европы, а также с афанасьевской и окуневской культурами енисейских степей. Тщательный анализ позволил Б.А. Латынину определить культурную принадлежность могильников Заман-баба как относящегося к кругу культур степной бронзы и датировать его концом III - началом II тыс. до н.э. (Латынин, 1968, с. 49-53).

Более обстоятельно, чем В.М. Массон и Б.А. Латынин, останавливалась на датировке могильника Е.Е. Кузьмина. Находя широкие аналогии керамике, бронзовым изделиям, кремнистым наконечникам стрел, бусам различной формы Заман-бабы в комплексах древнеземледельческого круга юна (Гисар III, Намазга IV и V, Шахтепе II и III) и степных племен северных обитателей страны (ямная, катакомбная, полтавкинская, афанасьевская культуры), она пришла к заключению, что датировка могильника Заман-баба концом III - началом II тыс. до н.э. отражает историческую действительность. (Кузьмина, 1952, с. 24-33).

После исследований в 1955-1968 гг. А.М. Мандельштамом в долине Кафирнигана большой группы курганов-захоронений эпохи поздней бронзы (Мандельштам, 1968, с. 135) им была предложена возможность влияния на сложение культуры раннего Тулхара заманбабинской культуры. При этом он четко указывал на сходство многих вещей Заман-бабы и раннего Тулхара и отмечал, что катакомбное устройство могил раннего Тулхара было заимствовано от заманбабинцев. Для 60-х годов такое предположение было вполне оправданным, так как в среднеазиатс-

ком регионе катакомбное устройство могил, кроме Заман-бабы, не было известно. В связи с исследованием памятников культуры Сапалли вопрос стал гораздо яснее и представилась возможность выдвинуть другую точку зрения, согласно которой ранние тулхарцы заимствовали катакомбы от сапаллинцев (Аскаров, 1973, с.128-129).

Действительно, в связи с исследованиями культуры Сапалли, в которой четко представлено катакомбное устройство могил, можно допустить, что катакомба заимствована от сапаллинцев не только племенами раннего Тулхара, но и заманбабинцами. Довольно четкие и близкие параллели намечаются между комплексами поздних этапов культуры Сапалли и Заманбабы. Одинаковое устройство катакомбных могил обеих культур и сходство археологического материала, собранного на раскопках, свидетельствуют о хронологической близости этих культур. В свете новых данных складывается интересная картина, указывающая не только на хронологическую близость комплексов поздних этапов культуры Сапалли, Заман-бабы и раннего Тулхара, но и на их генетическую связь (Аскаров, 1981, с.99-109). Все это позволяет более определенно говорить о южном влиянии на сложение заманбабинской культуры со стороны древнеземледельческих племен древнебактрийского региона. Ранее была отмечена возможность родственных связей между носителями культуры Заман-бабы и южными племенами. После сравнения многочисленных исследований эти нити четко и конкретно прослеживаются по материалам с памятников древнебактрийского региона типа Сапалли. Родственные связи заманбабинцев подтверждаются на антропологическом материале. Так, Т.К.Ходжайов установил, что наибольшая близость намечается между черепами Сапалли и Заман-бабы, Сапалли - Гисар Ш, Сапалли - верхний слой Алтын-депе, Сапалли - Чуст и т.д. Черепа из сапаллинского и заманбабинского круга памятников с комплексом признаков, присущих восточносредиземноморскому типу, представляют локальный вариант последнего с преобладанием довольно низкого свода черепа.

Таким образом, параллели между комплексами поздних этапов у культуры Сапалли и Заман-бабы становятся более реальными. Исходя из этого, А.А.Аскаров допускает, что II тыс. до н.э. было периодом, когда на территории Средней Азии происходил процесс миграции племен эпохи бронзы. Земледельческие племена юга в поисках плодородных земель продвигались в северные и восточные районы. Вероятно, что часть населения (носитель культуры типа Сапалли), в древней Бактрии, двигаясь по течению Аму-Дарьи, достигла плодородных долин древнебухарского оазиса, где участвовала в формировании культуры

Заман-бабы, а оставшаяся часть населения продолжала жить на территории древней Бактрии.

Намеченные параллели, выявленные при сопоставлении комплексов Заман-бабы и поздних этапов культуры Сапалли, Заман-бабы, раннего Тулхара и Молали позволяют А.А.Аскарову считать, что эти комплексы близки и синхронны. Молалинский этап культуры Сапалли датируется 1350-1000 гг. до н.э., а ранний Сапалли датируется ХУП-ХУ вв. до н.э. Исходя из этих данных и учитывая наличие отдельных форм керамики более архаического облика (яйцевидные сосуды, горшки с утолщенным дном), А.А.Аскаров предлагает датировать могильник и поселение Заман-бабы как единый одновременный комплекс второй четвертью II тыс. до н.э. (Аскаров, 1981, с.109). В.И.Сарианиди в статье "К вопросу о культуре Заман-бабы, основываясь на новых материалах из северного Афганистана, предлагает датировку культуры Заман-бабы рубежом II и I тыс. до н.э. (Сарианиди, 1979, с.23-28).

В.И.Сарианиди устанавливает возможность тесной связи земледельческо-скотоводческих племен, располагавшихся в середине II тыс. до н.э. на территории северного Афганистана с заманбабинцами. Культура североафганистанских племен, несмотря на более высокий уровень развития, обнаруживает и определенные черты сходства с культурой Заман-баба. Просматривается сходство в захоронении, допускается возможность сходства и погребальных обрядов, так как нарушенный аналогичный порядок положения костей в погребениях могильника Заман-баба скорее всего связан не столько с естественными процессами дефляции, сколько с самим образом частичных фракционных захоронений, практикуемых в древней Бактрии. Сходство прослеживается не только в этом, но и в заупокойных приношениях. (Аскаров, 1962).

К ним в первую очередь относятся металлические круглые зеркала и особенно булавки с лопаточновидным навершием.

Эти вполне очевидные параллели дополняются сходством типов кремневых двухсторонне обработанных наконечников стрел и вкладышей каменных и керамических шариков с лесковидным отверстием, бус и пронизок разнообразных форм.

Обследование выбросов из разграбленных могил, расположенных в непосредственной близости селений Фарухабад и Ничка, дало новые находки керамических кормушек и цилиндрических сосудов с отверстиями по венчику. Эти типичные изделия культуры Заман-баба пока больше нигде не засвидетельствованы. Судя по всему, для описываемых погребальных комплексов характерна мелкая окатанная галька с

"глазками", встреченная в некоторых захоронениях Заман-бабы (Гулямов, Исламов, Аскарлов, с.121, 153).

Таким образом В.И.Сарианиди утверждает, что, "хотя точная хронологическая принадлежность рассматриваемых могильников северного Афганистана не установлена, думается, что они не случайно расположены на окраинах поселений, датируемых по керамике концом II - началом I тыс. до н.э., и, возможно, принадлежат бывшим обитателям именно этих поселений." Как утверждает И.В.Сарианиди, "при всей условности предложенной датировки бесспорным остается одно: эти материалы относятся к позднему этапу существования бактрийско-маргианского археологического комплекса". В таком случае к рубежу II-I тысячелетий до н.э. должно быть отнесено и время существования культуры Заман-баба, чему не противоречит весь соответствующий археологический комплекс, исключая единичные фрагменты керамики со следами примитивной росписи (Сарианиди, 1979, с.25-27).

Таким образом, новая датировка культуры Заман-баба вполне научно доказуема и бесспорна, за исключением некоторых несоответствий.

Нам представляется, что открытие нового комплекса Зарафшанской долины (поселение Саразм, материалы еще не опубликованы) (Исаков, 1983, с.54-57) позволит все же удревнить заманбабинскую культуру в рамках памятника эпохи ранней бронзы.

§ 2. Памятники андроновско-тазабагыябской культурно-исторической общности

Степи Средней Азии от высоких притяньшанских нагорий до междуречья Амударьи и Сырдарьи в эпоху развитой и поздней бронзы были заняты пастушескими племенами андроновско-тазабагыябской культурно-исторической общности.

В андроновско-тазабагыябскую культурно-историческую общность мы включаем тазабагыябскую культуру и следующие локальные варианты: 1) Зарафшанский (Гуджайли, Кызыл-Кир, Муминабад, Чакка, Сиаб, стоянки Махан-Дарьи и др.); 2) Ферганский (Буадиль, Карамкуль, Ходжа-Ягона, Дахона, Арфис, Дашти-Ашт, Кайракумские стоянки и др.); 3) Тяньшанско-семиреченский (Таш-Тюбе II, Беш-Таш, Таш-Башат, Арпа, Пригородное, Джазы-Кечу, Течермен-Сай и др.); 4) Междуреченский (Актанга, Курттеке, Кызыл-рабат, Кокуй-Вельсу, Янги-Шль, Ореховское, Никифоровские земли, Ангрэн и др.).

Генезис носителей указанных вариантов связан с андроновским населением Казахстана и Сибири, на что указывает единство предме-

тов материальной культуры, погребальный обряд и материалы антропологии.

История изучения памятников степной бронзы относится к периоду первых работ Хорезмской археологической экспедиции под руководством С.П.Толстова.

В 1938 г. во время разведок в песках на правом берегу Амударьи впервые была найдена лепная керамика с геометрическим орнаментом (стоянки Тешик-кала I и 2), которая, по определению С.П.Толстова, близко напоминала керамику бронзового века Поволжья, Казахстана, Минусинского края, относящуюся к срубной и андроновской культурам (Толстов, 1939, с.174-175). С.П.Толстов назвал культуру, которой принадлежала эта керамика, тазабагъябской и датировал эти находки концом II - началом I тыс. до н.э. (Толстов, 1940, с.70-71).

В 1940 г. художник экспедиции Н.П.Толстов к северу-востоку от крепости Анчка-кала обнаружил разветвленную стоянку (Анчка-кала I) с лепной керамикой того же типа, что и найденная на стоянках Тешик-кала I и 2. Эта стоянка была определена так же, как тазабагъябская, а дата тазабагъябской культуры была уточнена и отнесена к середине II тыс. до н.э. (Толстов, 1946, с.68).

В 1939 и 1940 гг. Я.Г.Гулямов к северу от Наринджана исследовал стоянки Джанбас 7 и Якке-Парсан. Стоянки были датированы I тыс. до н.э. Эту картину, названную амирабадской, также отмечала лепная керамика с резным орнаментом, и для нее были характерны длинные прямоугольные глинобитные дома (Толстов, 1948, с.68-70).

В 1945 году была открыта новая культура эпохи бронзы - суярганская. Как следует из более полного описания материалов, относимых к суярганской культуре, эта культура появилась в правобережном Хорезме в первой половине II тыс. до н.э., а затем дала смешанные с тазабагъябской комплексы, в которых преобладают тазабагъябские черты (Толстов, 1962). К концу II тыс. до н.э. суярганская культура, однако, полностью ассимилирует тазабагъябскую.

Материалы для характеристики суярганской культуры дали раскопки, произведенные в 1945-1946 гг. Я.Г.Гулямовым на Джанбас 6. (Гулямов, 1957, с.51-54; Толстов, 1948, с.77-78). Для этой культуры характерна тонкостенная керамика, окрашенная в густо-оранжевый цвет и залощенная по поверхности, сопровождаемая обычно грубыми горшками с геометрическим орнаментом.

Большую работу по изучению суярганской культуры провела Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР во главе с проф. С.П.Толстовым.

С.П.Толстов связывал появление этой культуры в Хорезме с приходом туда нового этнического элемента с юга во второй половине II тыс. до н.э. Он писал, что суярганская культура "должна быть поставлена между тазабагъябской и амирабадской, вероятно, частично сосуществуя с первой, и датируется последними столетиями II тыс. до н.э." (Толстов, 1948, с.348).

Вновь подчеркивая пришлый характер суярганской культуры, служивший одним из доказательств традиционных контактов и этнических смешений между населением северных и южных областей Средней Азии, С.П.Толстов высказывал предположение, что амирабадская культура является результатом скрещивания северных и южных культур, ибо одними элементами она восходит к тазабагъябской традиции, другими - к суярганской (Гулямов, 1957, с.59).

Открытие стоянок Камышлык I и II дало основание для постановки вопроса о выделении раннего этапа суярганской культуры, датируемой первой половиной II тыс. до н.э., и позднего, датируемого концом II тыс. до н.э. (Итина, 1977, с.16-17).

С 1951 г. ХАЭ приступила к изучению древних русел Амударьи, истории их функционирования и заселения человеком. Начало 60-х годов знаменует собой новый этап в истории изучения степных племен эпохи бронзы Средней Азии, когда ведутся комплексные исследования.

С 1953 г. в работу ХАЭ подключаются геоморфологи и географы во главе с А.С.Кесь. В составе экспедиции работает археолого-топографический отряд во главе с Б.В.Андриановым, занимающийся изучением древней ирригации.

В 1954 г. был обнаружен известный ныне грунтовый могильник Кокча 3, принадлежащий тазабагъябской культуре. В этом же году было раскопано 16 погребений, датированных третьей четвертью II тыс. до н.э. (Толстов, 1959, с.98-99). По северо-западной окраине Северной дельты, к северу от Барак-тама, близ русловых потоков найдена керамика тазабагъябского типа и открыты две стоянки этой культуры - Барак-там I0 и Тьяк-бой 2. (Итина, 1959, с.51-53).

Работы ХАЭ, проводившиеся с участием геоморфологов и использованием аэрофотосъемок, дали богатый фактический вещевой материал, который вместе с другими исследованиями позволил наметить схему функционирования Амударьинских дельт в разные хронологические пери-

оды, в том числе и на протяжении периода первобытности. В периодизацию культур эпохи бронзы были внесены существенные коррективы (Итина, 1959, с.235-240).

Большим событием явилось в 1954-1955 гг. открытие археолого-этнографическим отрядом остатков ирригационных сооружений эпохи бронзы в виде арыков и небольших полей на стоянках Базар 3, Кокча I, близ могильника Кокча 3 (Толстов, Андрианов, 1957, с.5-7).

В 1957-58 гг. были произведены раскопки тазабагыябской стоянки Кават 3, Анчка 5 (Итина, 1963, с.103-106).

Тазабалыбская культура рассматривалась уже как пришедшая, сформировавшаяся в степях южного Приуралья, в зоне контакта срубно-андроновских племен, и имеющая характерные для этих культур черты. Ее проникновение в низовья Амударьи было отнесено к третьей четверти II тыс. до н.э., и, таким образом, постулируемая раньше С.П.Толстовым гипотеза о генетической связи ее с неолитической кельтеминарской культурой снималась (Толстов, Итина, 1960, с.14-35).

Сурганская культура по-прежнему считалась принадлежащей выходцам из южных районов, но хронологические рамки ее значительно расширились, она охватывала теперь все II тысячелетие до н.э., а не только его конец.

Большой опыт, накопленный во время многолетних комплексных маршрутных работ, естественно, привел к тому, что советские археологи научились по малозаметным, казалось бы, внешним признакам и с учетом данных стратиграфии находок обнаруживать поселения с сохранившимся культурным слоем.

Исследования в низовьях Сырдарьи позволили наметить пути заселения этой дельтовой области в эпоху первобытности, высказать предположения об археологическом расселении племен эпохи степной бронзы на этой территории, увидеть следы этнических перемещений там, где их предполагали теоретически. Памятники, близкие тазабагыябским материалам Хорезма, широко исследуются на всей территории Узбекистана. В 60-х годах они открыты и исследованы на землях Ташкентского оазиса, в Ферганской долине, в низовьях Зеравшана и Кашкадарьи. (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966; Гамбург, Горбунова, 1957, с.50).

В 1961-1963 гг. под руководством Итиной М.А. в низовьях Сырдарьи были открыты замечательные погребальные сооружения Тагискена, которые еще раз показали, сколь велика была роль южных земледельческих цивилизаций в развитии культур степной бронзы и сколь значительна роль населения Южного Приуралья как посредника в передаче

этих южных элементов культуры (Итина, 1966, с.151).

В результате разведочных и стационарных работ в период 70-х годов появилась необходимость внести некоторые коррективы в периодизацию первобытной культуры древнего Хорезма, в том числе и эпохи бронзы.

Помимо суярганской и тазабагъябской культур, к культурам эпохи бронзы отнесена и амирабадская культура, ранее датировавшаяся ранним железным веком (Итина, 1977, с.23).

Раскопки стоянок тазабагъябской и амирабадской культур на территории Южной дельты дали новый хорошо документированный материал по истории расселения, хозяйства, форм общественной организации, социального расслоения, типов материальной культуры племен, населявших низовья Амударьи в эпоху бронзы.

Тазабаябские памятники, как показали исследования, распространены по всей территории Узбекистана и представляют собой своеобразный вариант племен андроновской общности. Материальная культура этих памятников была открыта и исследована также и в Самаркандской области (Чакка, Сиаб, Муминабад).

Выявление андроновских черт материальной культуры в могильнике Муминабад в сочетании с антропологическими материалами средиземноморского типа - не новое явление для памятников степной бронзы Средней Азии. Антропологические исследования лишней раз указывают на сложный этнический состав носителей среднеазиатской культуры типа степной бронзы и на их широкие историко-культурные связи (Лев, 1966, с.70. Аскарлов, 1969, с.56).

Раскопки в Самаркандской области могильников Муминабад, Чакка, Сиаб, Сай-Гус и отдельные находки в к/з Энгельса, позволили уточнить время проникновения андроновских племен в пределы Средней Азии в середине II тыс. до н.э.

Культура "степного" типа в Узбекистане в количественном отношении представлена более широко. К ней следует отнести культуру Заман-баба (конец III - начало II тыс. до н.э.), Суярганскую (Камышлинский этап - первая половина II тыс. до н.э.). В эпоху бронзы суярганская культура продолжает свое развитие (Базаркаллинский этап - вторая половина II тыс. до н.э.) (Итина, 1977, с.139-146).

В середине II тыс. на территории Узбекистана происходит инфильтрация племен андроновской культурно-исторической общности. Они ассимилируют суярганскую культуру. Однако к эпохе поздней бронзы верх берут местные традиции, и суярганцы продолжают свое развитие в эпоху поздней бронзы (амирабадская культура XI-IX вв. до н.э.).

Наряду с археологическими открытиями памятников эпохи бронзы "степных" культур на территории Узбекистана большой интерес представляют открытия в Центральном и Южном Таджикистане. Первые памятники эпохи бронзы начинают исследоваться только после окончания второй мировой войны.

Материалы этой эпохи впервые были опубликованы в 1948 г. А.И.Тереножкиным (Тереножкин, 1948, с.75-76). В 1954 г. А.П.Окладников открыл в Кайрак-Кумах первые в Таджикистане поселения эпохи бронзы и раннего железа. Более детальное изучение их было проведено Б.А.Литвинским в 1955-1956 гг. (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962). Значение этих исследований для таджикской археологической науки было велико, так как это первые, достаточно документированные материалы эпохи бронзы в этом районе Средней Азии.

Изучено свыше 60 пунктов - поселения, рудоплавильные центры, могильники, датированные от середины II тыс. до н.э. до первых веков I тыс. до н.э.

В результате полученного материала археологам удалось расширить ореал племен "степного" типа в восточные пределы Средней Азии. На основе данных исследований Б.А.Литвинский, наряду с тазабагыбской культурой (территория Хорезма и прилегающие районы), выдвигает особую кайраккумскую культуру с ореалом ее распространения в Ташкентской, Ленинабадской областях и ряде районов узбекистанской и киргизстанской частей Ферганской долины и, возможно, в Южном Таджикистане (Литвинский, Окладников, Ранов, с.288-290).

Если материалы эпохи бронзы из урочища Кайрак-Кум свидетельствуют о связях с северными областями Средней Азии, то находки из Центрального и Южного Таджикистана, а также Памира, лишь в незначительной степени говорят об этом, в основном же они указывают на южное и юго-западное направление культурных связей с культурами древних земледельцев севера Индии и Афганистана. По всей вероятности, направление этих культурных связей обусловлено экономической средой их обитания.

С 1959-1963 гг. Б.А.Литвинским и В.А.Рановым исследуются слои эпохи бронзы под навесом Ак-Танги в северном Таджикистане. Памятник представляет собой поселение, расположенное под навесом скальной породы, содержащее культурные напластования от эпохи неолита до позднего средневековья. Эпоха бронзы представлена тремя культурными слоями (Б-I, Б-II, Б-III), изолированными друг от друга "стерильными" прослойками щебня. В целом, археологический материал аналогичен кайраккумским комплексам (Литвинский, Ранов, 1964, с.20), дати-

ровка которых распределяется второй половиной II тыс. - началом I тыс. до н.э.

Рассматривая происхождение кайракумской культуры, составной частью которой теперь являются и материалы эпохи бронзы навеса Ак-Танги, Б.А. Литвинский не исключает возможности генетической преемственности ее с гиссарским энеолитом и тем самым идентифицирует свою точку зрения с мнением С.П. Толстова (раннего) о происхождении тазабагтябских племен Средней Азии из поздней кельтеминарской культуры (Литвинский, 1973, с.5-42).

Не менее интересными регионами в археологическом изучении памятников пастушеских племен Средней Азии являются Притяньшанье и Семиречье (Киргизия).

Первые находки эпохи бронзы были сделаны экспедицией археологического надзора на строительстве Большого Чуйского канала под руководством А.Н. Бернштама. Здесь, в районе селений Ивановское, Далильма и Каинды были найдены памятники эпохи бронзы, датированные II-I тыс. до н.э.

В 1944 году Тяньшано-Алайская археологическая экспедиция во время обследования высокогорных пастбищ Тянь-Шаня в урочище Бур-магап в долине Арпа вскрыла несколько погребений, давших материал, характерный для эпохи бронзы II-I тыс. до н.э. (Бернштам, 1961, с.146).

Вновь памятники эпохи бронзы в Киргизии изучаются с 1956 г. В 1956-1957 гг. Таласским археологическим отрядом руководил П.И. Кожемяка. Находки этого отряда официально считаются первыми памятниками эпохи бронзы Киргизии. В Талассе андроновские погребения зафиксированы в 3-х пунктах: Беш-Таш, Таш-Тюбе, Таш-Балат. На поверхности погребения отмечены каменными оградками, часто расположенными параллельными рядами. Во внутренней конструкции могильных сооружений прослеживаются 3 варианта: могильные ямы с глинобитными стенками, ямы, облицованные камышовыми плитами, и грунтовый ямы, стены которых обмазаны глиной с примесью соломы. В погребальном обряде отмечено трупосожжение и трупоположение. Из погребального инвентаря, кроме керамики, можно отметить находки бронзовых колец, браслетов с несомкнутыми концами, серег с раструбом. Аналогичные погребения обнаружены в Кетмень-Тюбе, в могильнике Каралмат (Грязнов, 1971, с.36).

В 1961 г. в Чуйской долине Чуйским археологическим отрядом под рук. А.Абетекова было обнаружено и исследовано несколько погребений эпохи бронзы в могильнике Тегирменсай. Погребения - в ка-

менных оградах, внутреннее пространство их не возвышалось над дневной поверхностью. Погребения датированы алакульским этапом (середина II тыс. до н.э.) (Абетков, 1963, с.93-95).

Работы в Тегирменсае и других памятниках расширили ореол распространения племен андроновской культуры, позволили в совокупности говорить о довольно широком освоении территории Киргизстана племенами в эпоху бронзы и обусловили необходимость систематического изучения памятников эпохи бронзы в этом районе Средней Азии.

Для изучения истории древних племен Киргизии большой интерес представляют памятники эпохи поздней бронзы, открытые в 70-е годы в долине Кетмень-Тюбе. В течение трех полевых сезонов (1968-1970 гг.) здесь в зоне затопления Тахтогульского водохранилища велись раскопки остатков поселения Джал-Арык и могильника Джазы-Кечу (Кожембердиев, Галочкина, 1969, с.30).

В целом материалы эпохи бронзы с поселением Джал-Арык и могильника Джазы-Кечу синхронны, представляют единую культуру, имеющую специфические особенности, и дополняют новыми фактическими данными материалы Тянь-Шаньского локального варианта андроновской культуры. Приведенные широкие параллели с окружающими районами подтверждают высказывания М.П.Грязнова о том, что андроновские племена Тянь-Шаня отличались от других андроновских племен лишь некоторыми внешними формами своей культуры, материальная же основа их социальной жизни и хозяйства была в общих чертах одинаковой (Грязнов, 1968, с.24). В 70-х годах М.П.Грязнов развивает дальше эту точку зрения, привлекая для обобщения материалы Южного Казахстана.

На северных склонах хребта Каратау в Южном Казахстане исследован могильник Тау-Тары. Этот памятник представляет большой интерес при изучении андроновской культуры, так как дал хорошую серию однотипных погребальных комплексов. М.П.Грязнов определяет этот памятник как своеобразный археологический комплекс, не имеющий аналогий где-либо в Казахстане или Сибири (Грязнов, 1970, с.34-38). Однако замечательно то, что этот памятник не единственный в своем роде. Так, на Зеравшане, недалеко от Бухары, в Наука-тепе экспедицией Я.Г.Гулямова обнаружены фрагменты двух сосудов (Гулямов, Исламов, Аскар, 1966; с.217).

Новые исследования памятников "степной" бронзы вновь поднимают вопрос о времени появления андроновских памятников в Средней Азии и о характере их. В 70-х годах возобновилась дискуссия о

"Среднеазиатском андроне". Памятники андроновско-тазабагьябской культурно-исторической общности Средней Азии, несмотря на сходство на огромной территории, имеют ряд местных, свойственных только данному району, особенностей.

Единого мнения по вопросу о происхождении андроновской культуры и появлении ее в Средней Азии не имеется. В настоящее время существуют три теории. Одна из них говорит о сложении среднеазиатского варианта андроновской культуры на основе развития местной энеолитической культуры, другая - о развитии андроновской культуры уже в готовом виде с севера. С.П.Толстовым было высказано предположение о происхождении ее от кельтеминарской культуры. Это предположение было поддержано А.А.Формозовым по материалам Западного Казахстана (Формозов, 1961, с.18). Имеется также мнение, что основой для сложения андроновской культуры могла послужить гиссарская культура позднеолитических памятников горных районов (Литвинский). Латынин придерживается точки зрения, что корни этой культуры восходят к комплексам Залан-Баба (Латынин, 1958, с.48). Сторонники второй теории считают, что андроновская культура сложилась на территории Казахстана, а затем на определенном этапе была привнесена в Среднюю Азию и проникла до южных районов (Черников, 1969, с.121; Акишев, 1959, с.16).

Анализируя обе теории, следует отметить, что андроновскую культуру со всеми присущими ей своеобразными признаками материальной культуры никак нельзя полностью вывести из ранних местных комплексов. Возможно, некоторые районы Средней Азии были заселены андроновцами в период ранней бронзы. Вполне вероятно, что в середине II тыс. до н.э. произошло значительное расширение ареала среднеазиатских андроновцев в результате прихода с севера новых этнических групп. Однако, видимо, картина была более сложной и ее нельзя сводить к простым переселениям племен с севера. Об этом говорят антропологические данные, опубликованные Т.А.Трифоновой (Трифорова 1969, с.18), исследовавшей черепа из могильника Кокча-3. Анализ черепов показал, что они ближе к срубным черепам из нижнего Поволжья, чем к андроновским из Казахстана. Кроме того, встречены черепа андроновского типа и южный индо-дравидондский тип.

Условия жизни в пустынном и горном ландшафте обусловили, вероятно, преимущественное развитие скотоводства в хозяйстве. Андроновцы разводили крупный рогатый скот. Все, что известно о хозяйстве и культуре степных племен Средней Азии, наглядно свидетельству-

ет об их прогрессивном развитии по сравнению с предшествующим периодом.

§ 3. Бишкентские и Вахляские памятники

В пределах территории между Гиссарским хребтом и средним течением Амударьи известен ряд памятников, относящихся к скотоводческо-земледельческим племенам эпохи поздней бронзы.

С 1965-1969 гг. экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством А.М.Мандельштама исследовались погребения раннего Тулхарского и Аруктауского могильников, расположенных в северной части Бишкентской долины, которая лежит между низовий рек Кафирнигана и Сурхандарьи. В раннем Тулхарском могильнике было вскрыто 75 погребений, расположенных весьма компактно. Особое место этого памятника обусловлено тем, что в нем имеется несколько различных типов погребальных сооружений (Мандельштам, 1968, с.6, 53-59).

На данном этапе исследований эпохи бронзы ранний Тулхарский могильник стал "ключевым" для отражения основных направлений хода исторического процесса в пределах очерченной выше территории. По характеру сопровождающего инвентаря могильник был отнесен к позднему этапу эпохи бронзы.

В Аруктауском могильнике было обнаружено только 13 ранних погребений. Все они располагались очень разбросанно, на различных участках памятника, в различных группах курганов античного времени. Наземные признаки погребений эпохи бронзы четки и внешне имеют вид обычных каменных насыпей. Раскопки установили, что в действительности это остатки очень сильно разрушенных оград круглой и прямоугольной формы: захоронения в них находятся на уровне древнего горизонта и, как правило, полностью или частично разграблены. (Мандельштам, 1978, с.12-47). Датировка всего комплекса погребений эпохи бронзы Аруктауского могильника определяется концом II - началом I тыс. до н.э.

В раннем Тулхарском могильнике был получен совершенно новый археологический комплекс, который выделен А.М.Мандельштамом в новую культуру, названную по месту первых находок Бишкентской (Мандельштам, 1969, с.17).

Новая культура охарактеризована как скотоводческая, но не была исключена возможность занятия племенами этой культуры примитивным земледелием в местах, пригодных для ведения подобного рода хо-

зайства.

Проблема генезиса бишкекской культуры остается на данном этапе исследования в значительной степени открытой, так как не были исследованы памятники более раннего времени в южных областях Среднеазиатского Междуречья. Образовавшаяся лакуна говорит в пользу гипотезы о неместном происхождении бишкекской культуры. Предшествующая ступень развития могла восходить к заманбабинской культуре, с которой у нее есть сходные черты (Мандельштам, 1972, с.21-27).

В 60-е годы были развернуты раскопки могильников бронзового века в низовьях р.Кызыл-Су и Вахша. Хроника этих работ такова: в 1961 г. раскапывался могильник Вахи I; в 1962-1963 гг. - могильник Макоши-Мор (низовья Кызыл-Су); в 1963 г. начата работа по раскопкам могильника Тигровая Балка; в 1964-1965 гг. проводились раскопки могильников Тигровая Балка, Айкуль, Жаркуль (низовья реки Вахи); в 1967 г. завершены раскопки могильников Тигровая Балка и Айкуль. Общее число раскопанных курганов достигло 240 (Литвинский, 1973, с.5-42).

Все эти комплексы были отнесены к вахшской культуре. Антропологический облик погребенных относился к восточной ветви дальне-крайней средиземноморской расы и близок к населению южной Туркмении эпохи поздней бронзы. Радиоуглеродный анализ с погребений вахшской культуры дал дату 3350 ± 60 , т.е. около 1400 г. до н.э.

Рассматривая возможные пути происхождения вахшской культуры, Литвинский приходит к мысли о близости ее материальной культуры с памятниками типа Намазга VI, отмечает это особенно на керамическом материале, хотя вахшская керамика более грубая и значительно большая ее часть, по сравнению с южнотуркменистанской, лепная. В связи с этим он считает, что в начале Намазга VI имело место продвижение древнеземледельческих племен с востока на юг.

Таким образом, на юге Таджикистана во II тыс. до н.э. существовали племена, генетически связанные с древнейшими земледельцами, и приравне, "степные".

С 1965 по 1970 гг. В.С.Соловьевым в Вахшской долине рядом с г.Курган-Тюбе исследована двухслойная стоянка степной бронзы. Нижний слой, керамика которого обнаруживает определенное сходство с тазабагыябской, может быть датирован серединой II тыс. до н.э. верхний слой - концом II тыс.-началом I тыс. до н.э. (Литвинский, Соловьев, 1972, с.41-47).

Инфильтрация степных племен, по-видимому, значительна. Одно

время они существовали, затем вошли в состав вахшской и бишкентской культур, что наложило сильный отпечаток на их облик.

Изучение материалов вахшской культуры позволило генетически связать ее с культурой древнеземледельческих племен Афганистана (Шертугай) и частично с древнеземледельческими культурами подгорной части Копет-Дага (Намазга VI) и юга Узбекистана (Сапалли-Моллали). Утвердилась и окончательная датировка комплексов вахшской культуры - 12-9 вв. до н.э.

Что касается бишкентской культуры, то становится более реальным северное ее происхождение. Так, Л.Т.Пьянкова считает, что Мандельштам был совершенно прав, генетически связывая бишкентскую культуру с Заман-Бабой, т.к. керамический материал в какой-то мере аналогичен с комплексами последней (Пьянкова, 1982, с.10-17).

Вахшскую культуру, несмотря на генетические линии ее происхождения из древнеземледельческих оазисов Средней Азии и Афганистана, относят к скотоводческому кругу племен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования эпохи бронзы представляют собой одно из звеньев археологической науки Средней Азии. Накоплен большой опыт, разработана новая методика полевых исследований, где привлекаются и другие вспомогательные научные отрасли. Все это позволило поставить изучение первобытной археологии на высокий уровень и достичь больших результатов в этой области.

Однако история изучения памятников эпохи бронзы открывает ряд нерешенных проблем, связанных с той или иной областью Средней Азии. Здесь довольно резко выступает неравномерная изученность территории Средней Азии.

Исследования эпохи бронзы на территории Средней Азии выделены своей неравномерностью изученности. В южном Туркменистане сравнительно всесторонне изучены раннеземледельческие поселения типа Анау - Намазга - Алтын, рисующие картину постепенной эволюции от неолита через яркие энеолитические комплексы к протогородской или раннегородской цивилизации конца III - начала II тыс. до н.э. Здесь принципиальное значение имеют широкие раскопки поселений этой цивилизации, дающие важный материал для изучения процесса формирования раннеклассового общества древневосточного облика. Другие области Средней Азии (например, для эпохи ранней бронзы) практически остаются белым пятном, за исключением низовий Зарафшана и та-

кой интереснейшей культуры как Заман-баба. Памятники степной бронзы более позднего периода сравнительно хорошо изучены в Хорезме и за последнее время в юго-западном Таджикистане. Правда, здесь к числу "болезней роста" относится стремление к выделению культур и вариантов при описании конкретных данных, в результате чего иногда происходит перенапряжение материала.

С изучением памятников эпохи степной бронзы связана и важнейшая, хотя и во многом запутанная, проблема расселения племен индо-иранской лингвистической общности. Не приходится сомневаться в том, что II тыс. до н.э. для всей Средней Азии - это эпоха значительных перемещений, сдвигов, смещения различных племенных массивов. Возможно, что именно к этому периоду восходят истоки смены долихоцефального, европейского поселения, представленного в анауских памятниках, Заман-Бабе, чустской Фергане брахикефальным типом среднеазиатского междуречья. Не исключено, как утверждает В.М.Массон, что активизация племен степной бронзы была стимулирована демографическим взрывом, явившимся одним из последствий утверждения производящей экономики в этой зоне. Видимо, аналогичная ситуация сложилась и в степях Восточной Европы в эпоху распространения древнейшей культуры. Вместе с тем нельзя не признать, что конкретный материал для разработки проблемы расселения индо-иранских племен еще весьма ограничен, в связи с чем особенно важна правильная теоретическая ориентированность в этом вопросе.

Высокую степень сложности конкретного исторического процесса рисует картина, наблюдаемая на юго-западе Таджикистана, где мы имеем дело по крайней мере с двумя комплексами, дающими различное сочетание черт степной и оседлой культур. Едва ли перспективны поиски арийской археологической общности. Судя по уже имеющимся данным, можно заключить, что различные группы индоязычных и ираноязычных племен обладали различными культурами, характеризующимися как разным положением в системе культур степного круга, так и разной степенью ассимиляции оседлого населения.

Наряду с этими проблемами, остаются открытыми некоторые вопросы организационного порядка, такие как разработка проблем, и тем общесреднеазиатского масштаба. Осенью 1969 г. в ЛОИА состоялось совещание по проблемам первобытной археологии Средней Азии. Там было принято решение о создании проблемно-тематических советов, которые проводили бы свои заседания по окончании полевых сезонов поочередно в каждой из столиц среднеазиатских республик с систематическим обменом информацией и разработкой конкретных тематических

планов на следующий сезон (Массон, 1970, с.5-8).

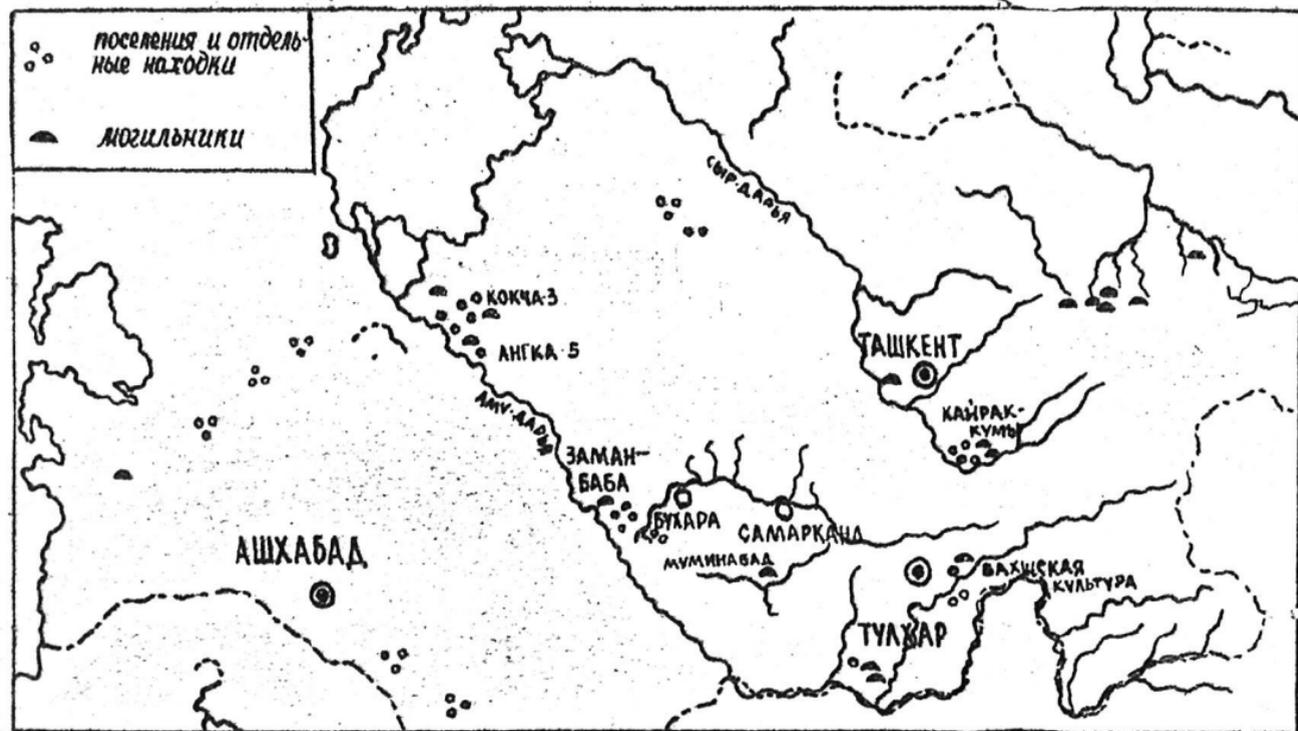
Также не в полной мере решены проблемы повышения методической вооруженности среднеазиатской археологии. Наряду с повышением уровня полевых работ, их документации и публикации все более насущно необходимым является широкое использование методических возможностей естественных наук. Надо, как отмечали участники среднеазиатского совещания, по возможности избегать поспешных обобщений, опережающих стадию детальной археологической систематизации и классификации. Обработка массивных коллекций, получение объективных критериев требуют применения математической статистики, как это имеет место в европейской археологии (Массон, 1970, с.9-10). Конкретным шагом на пути к осуществлению этих задач может быть разработка во всех республиках типологическо-классификационных схем для керамики с последующим созданием общесреднеазиатской систематики.

Важной стороной археологических исследований является уровень и оперативность публикации материалов. Следует иметь в виду, что наряду с фундаментальными монографиями, огромное значение имеет оперативный ввод текущей информации путем публикации предварительных сообщений. В этом отношении наиболее ценной представляется серия "Археологические открытия", издаваемая Институтом археологии АН СССР в масштабе всего Советского Союза. Однако представляется вполне реальным выпуск отчетов о проделанных работах в виде брошюр небольшого тиража в кратчайший срок, еще до начала следующего сезона.

Все эти общие проблемы тесным образом связаны с археологией эпохи бронзы, которая является важнейшим этапом в сложном процессе разложения первобытнообщинного строя и перехода к раннеклассовому общественному строю.

Решение этих проблем является залогом дальнейшего повышения уровня археологических исследований в этой области.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА РАСПОЛОЖЕНИЯ СКОТОВОДЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

СХМАТИЧЕСКАЯ КАРТА РАСПОЛОЖЕНИЯ ОСЕДЛОЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абетеков А. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирман-Сай. - КСИА, вып. 93. - М., 1963.
2. Аванесова Н.А. К вопросу о бронзовых наконечниках стрел степных племен эпохи бронзы. - В сб.: Материалы по археологии Узбекистана. - Самарканд: СамГУ, 1975.
3. Алтынова Е.Е., Виноградова Н.М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. - В сб.: Археологические работы в Таджикистане, вып. XIV /1974/. - Душанбе: Дониш, 1979.
4. Аскарлов А.А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муфинабаде. - ИМКУ, вып. 8. - Ташкент, 1969.
5. Аскарлов А.А. Развитие археологической науки в Узбекистане за 50 лет образования СССР. - ОНУ, 1972, № 12.
6. Аскарлов А.А. Сапалли-тепе. - Ташкент, 1973.
7. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. - Ташкент, 1977.
8. Аскарлов А.А., Альбаум М.И. Поселение Кучук-тепа. - Ташкент, 1979.
9. Аскарлов А.А., Мухамеджанов А.Р. Археология в Узбекистане, новейшие открытия. - ОНУ. 1981, № 2.
10. Атагорьев С., Бердыев О. Археологическое изучение Туркмении за годы Советской власти. - СА, 1967, № 3.
11. Бартольд В.В. История культурной жизни в Туркестане. - Л., 1927.
12. Бердыев О.К. Стратиграфия Баллийского поселения. - СА, 1963, № 4.
13. Бернштам А.Н. Чуйская долина. - МИА. - М.; Л., 1950, № 14.
14. Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Суйского канала. - Фрунзе, 1943.
15. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. - МИА, № 26.
16. Березин Д.С. Первобытный Туркменистан: Под ред. Массона и Е. Атагорьева. - Ашхабад: Нилы, 1967: СА, 1978, № 4.
17. Виноградов А.В., Мамедов. Первобытный Лявляган. - М., 1975.
18. Виноградов А.В. Раскопки стоянки Толстова. - АО, 1977; М., 1978.
19. Виноградов А.В. Раскопки стоянки Толстова. - АО, 1978; М., 1979.
20. Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т., Самойлик П.Т. Раскопки земледельческого поселения эпохи бронзы на юге Таджикистана. - АО, 1978; М., 1979.
21. Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т. Работы в Гиссарской долине. - АО, 1977; М., 1978.
22. Виноградов А.В. Раскопки стоянки Джанбас-31. - АО, 1976; М., 1977.

23. Виноградов А.В. Раскопки стоянки Толстова. - АО, 1979; М., 1980.
24. Гимбург Б.З., Горбунова Н.Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. - СА, 1957, № 3.
25. Ганялин А.Ф. Алтын-депе /по материалам работ 1953 года/. - Труды ИИА и ЭАН ТССР, т.2. - Ашхабад, 1959.
26. Грязнов М.П. Степные скотоводческие племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. - В сб.: Проблемы археологии Средней Азии. - Л., 1968.
27. Галочкина Н.Г. Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы. - В сб.: Кетмень-Тюбе. - Фрунзе, 1977.
28. Гулямов А.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана, - Ташкент, 1966.
29. Дуке Х. Бургулджская культура. - В сб.: Древности Туябугува. - Ташкент, 1978.
30. Ершов С.А. Холм Ялы-Депе 2. /Раскопки 1952 г./ - ИАН ТуркССР. - Ашхабад, 1952, № 6.
31. Заднепровский Д.А. Дальверзянское селище. - КСИИМК, вып.69. - М., 1957.
32. Заднепровский Д.А. Ашкал-тепе - новый памятник чустской культуры в Фергане. - СА, 1959, № 3.
33. Заднепровский Д.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. - МИА. - М.; Л., 1962, № 118.
34. Заднепровский Д.А. Чустская культура в Ферганской долине. - В сб.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М.; Л., 1966.
35. Заднепровский Д.А. Дружинина. Работы в Южной Киргизии. - АО, 1976; М., 1977.
36. Заднепровский Д.А. Работы в Южной Киргизии. - АО, 1977; М., 1978.
37. Заднепровский Д.А. Ферганская экспедиция. - АО, 1978; М., 1979.
38. Заднепровский Д.А. Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки. - СА, 1970, № 2.
39. Захарчук В.Н. Проблемные ситуации в археологии. - СА, 1973, № 4.
40. Исаков А.И., Эпонулов У. Работы Косаратомского отряда. - АО, 1977; М., 1978.
41. Исаков А.И. Раскопки в Саразме. - АО, 1978; М., 1979.
42. Исаков А.И. Раскопки на поселении Саразм. - АО, 1979; М., 1980.
43. Итина М.А. Памятники первобытной культуры верхнего Узбола. - Труды ХАЭ, т.П. - М., 1953.

44. Итина М.А. Опыт картографирования памятников первобытной культуры древней дельты Амударьи. - В сб.: Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. - М.; Л., 1969.
45. Итина М.А. Раскопки стоянок тазабаягьской культуры в 1957 г. - МХЭ, 1960, № 4.
46. Итина М.А. Поселение Якхе-Порсан 2 /раскопки 1968-1969 гг./. - МХЭ, 1963, № 6.
47. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья II - начала I тыс. до н.э. - М., 1977.
48. Итина М.А. Раскопки на Алчадарье. - АО, 1978; М., 1979.
49. "Кетмень-Тюбе". Археология и история: Под ред. Плоских В.М. Винника Д.Ф. - Фрунзе: Исипм, 1977.
50. Кабиров А. Археологическое изучение Киргизии. - Изв. Кирг. Филиала АН СССР, вып. II-XII. - Фрунзе, 1954.
51. Кабиров А., Кожемяко П.Н. Новые памятники эпохи бронзы. - Труды ИИАН КиргССР, вып. П. - Фрунзе, 1956.
52. Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы Киргизии. - Изв. АН КиргССР, сер. общ. наук, т. П, вып. III /история/. - Фрунзе, 1960.
53. Кожембердыев, Галочкина Н.Г. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе. - В сб.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. I. - Л., 1972.
54. Кузьмина Е.Е. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы /по материалам Иссык-Кульского клада/. - Изв. АН КиргССР, сер. общ. наук, т. III, вып. 3, /история/. - Фрунзе, 1961.
55. Кузьмина Е.Е. Культура пастушеских племен Средней Азии в эпоху развитой бронзы. - В сб.: Проблемы археологии Средней Азии /тезисы докладов и сообщений/. - Л., 1968.
56. Куфтин Б.А. Работы ИТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау. - ИАН ТуркмССР, 1954, № I.
57. Литвинский Б.А. Намазга-депе /по данным раскопок 1949-1950 гг./. - СЭ, 1952, № 4.
58. Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса "Ак-Тальги" в 1959 г. В сб.: АРТ, вып. УП / 1959 г./ Душанбе, 1961.
59. Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. - Душанбе, 1962.
60. Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Ак-Тальги. - В сб.: АРТ, вып. IX, /1961/. - Душанбе, 1964.
61. Литвинский Б.А. Археология Таджикистана за годы Советской власти. - СА, 1967, № 3.

62. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане. - В сб.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. I. - 1972.
63. Литвинский Б.А. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. /Некоторые итоги и проблемы/. - В сб.: АРТ, вып. X /1970 г./. - М., 1973.
64. Литвинский Б.А., Зеймель Т.И., Медведовская И.Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. /Раскопки могильников в Бишкентской долине/. - В сб.: АРТ, вып. XIII /1973/. - Душанбе, 1977.
65. Литвинский Б.А., Антонова Е.В., Виноградова Н.И. Раскопки могильника Тандырйул. - АО, 1978.
66. Дунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии /1896-1917 гг./. - Ташкент, 1958.
67. Маруденко А.А. Ежен-дене / отчет о раскопках 1963-1965, 1966 гг./ - ТИИАЭ, АН Туркм., т. 5. - Ашхабад, 1969.
68. Мандельштам А.М. Памятники "степного" круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. - В сб.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М.; Л., 1966.
69. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. - МИА, № 145. - М.; Л., 1968.
70. Масинов И.С. Материальная культура Южной Туркмении в период развитой и поздней бронзы. - В сб.: Первобытный Туркменистан. - Ашхабад, 1976.
71. Массон В.М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам. В.А. Куфтина. - ТЮТАКЭ, т. 7, 1956.
72. Массон В.М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. - ТЮТАКЭ, т. 7, 1956.
73. Массон В.М. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. - СА, 1957, № 4.
74. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргманы. - МИА, № 73. - М.; Л., 1959.
75. Массон В.М. Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада. - В сб.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М.; Л., 1966.
76. Массон В.М. На пороге раннеклассового общества. Оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н.э. - В сб.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М.; Л., 1966.
77. Массон В.М. Племена степной бронзы на севере страны. - В сб.:

- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М.; Л., 1966.
78. Массон В.М. Протогородская культура Алтын-депе. - АО, 1966; М., 1967.
 79. Массон В.М. Новые проблемы археологии Средней Азии. /Тезисы докладов и сообщений/. - Л., 1968.
 80. Массон В.М. Узловые проблемы среднеазиатской археологии. - В сб.: Проблемы археологии Средней Азии /Тезисы докладов и сообщений/. - Л., 1968.
 81. Массон В.М. Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе. - АО, 1978; М., 1973.
 82. Массон В.М. Раскопки жилых и оборонительных сооружений Алтын-депе. - АО, 1975; М., 1976.
 83. Массон В.М. Раскопки жилых кварталов и погребальных комплексов Алтын-депе. - АО, 1976; М., 1977.
 84. Массон В.М. Изучение оседлоземледельческих поселений в Южной Туркмении. - АО, 1977; М., 1978.
 85. Массон В.М. Изучение слов бронзового века на Алтын-депе. - АО, 1978; М., 1979.
 86. Массон В.М. Алтын-депе. - ТУТАКЭ, т.ХУШ-Л., 1981.
 87. Масимов И.С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе. - Археология Средней Азии и Ближнего Востока, II советско-американский симпозиум. Тезисы докладов. Самарканд, 6-12 сентября 1983. - Ташкент: Фан, 1983.
 88. Об актуальных задачах советской археологической науки. - СА, 1975, № 2.
 89. Овезов Д.М. 30 лет ИТАКЭ. - В сб.: История и археология Средней Азии. - Ашхабад, 1978.
 90. Окладников А.П. Археологические исследования в Киргизии. - ВАН СССР, 1964.
 91. Окладников А.П. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. - Труды АН ТаджССР. 1956, т.37.
 92. Пьянкова Л.Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка. - СА, 1974, № 3.
 93. Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. - Автореф. диссерт. на соискание учен. степени к.и.н.-М., 1982.
 94. Пьянкова Л.Т. Отчет о работе Нурекского археологического отряда. - В сб.: АРТ, вып.ХIV, /1974 г./. - Душанбе, 1979.
 95. Сарнианиди В.И. Энеолитическое поселение Геоксёр. - ТУТАКЭ, т.Х, 1968.

96. Сарияниди В.И. Ханум-депе как памятник эпохи бронзы. - КСИА, вып. 98, - М., 1964.
97. Сарияниди В.И. Раскопки Ханум-депе и Алтын-депе. - АО, 1966, М., 1967.
98. Сарияниди В.И. Материальная культура Южного Таджикистана в период ранней бронзы. - В сб.: Первобытный Туркменистан. - Ашхабад, 1976.
99. Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. - М., 1977.
100. Скакун Н.Н. Функциональное исследование каменных наконечников стрел эпохи бронзы. - В кн.: Каракумские древности, вып. 4. - Ашхабад, 1972.
101. Скакун Н.Н. Археологическая литература в изданиях АН КиргССР с 1967-1977 гг. - АС, 1971, № 4.
102. Спришевский В.И. Раскопки Сузальского поселения эпохи бронзы в 1965 г. - АИН УзССР, сер. общ. наук, № I. - Ташкент, 1967.
103. Тереножкин А.И. Археологические находки в Таджикистане. - КСИИМК, вып. 20. - М., 1948.
104. Толстов С.П. Древнехорезмийские памятники Каракалпакии. - ВДИ. - М., 1939.
105. Толстов С.П. Хорезмийская экспедиция в 1939 г. - КСИИМК, вып. VI. - М., 1940.
106. Толстов С.П. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма /предварительные итоги ХАЭ, 1940 г./. - ВДИ, № I. - М., 1946.
107. Толстов С.П. Древний Хорезм. - М., 1948.
108. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М., 1948.
109. Толстов С.П. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, в 1949 - 1953 гг. - ТХЭ, т. П. 1968.
110. Хлопин И.Н. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. - ТИПАКЭ, X.
111. Чуланов Д.Т. Новые памятники эпохи бронзы Ферганской долины. - СА, 1964, № 4.
112. Шиякин В.А. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР /полевые работы 1956-1959 гг./. - ИМКУ, вып. 2. - Ташкент, 1961.
113. Шиякин В.А. Сорок лет советской археологии в Узбекистане. /1924-1964 гг./. - ИМКУ, вып. 7. - Ташкент, 1966.
114. Щегенко А.Я. Раскопки мелких поселений эпохи бронзы. - В сб.: Каракумские древности, вып. 3. - Ашхабад, 1970.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АО	Археологические открытия
ВДИ	Вестник древней истории
ИАН КирССР	Известия Академии наук Киргизской ССР
ИА АН СССР	Институт археологии Академии наук СССР
ИБКУ	История материальной культуры Узбекистана
ИСИА	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
ИСИЭ	Краткие сообщения института этнографии Академии наук СССР
ЛОНА	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МА	Материалы и исследования по археологии СССР
СА	Советская археология
СЭ	Советская этнография
ТДТАКЭ	Труды Бкно-Турименистанской археологической комплексной экспедиции
УСА	Успехи Среднеазиатской археологии

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ	
§ 1. Культуры типа древневосточной цивилизации.....	15
§ 2. Памятники времени упадка протогородской цивилизации.....	27
§ 3. Юг Средней Азии на пороге раннеклассового общества.....	32
§ 4. Памятники Чустского типа.....	36
Глава II. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СТЕПНЫХ КУЛЬТУР СРЕДНЕЙ АЗИИ	
§ 1. Памятники Заман-Баба.....	41
§ 2. Памятники андроновско-тазабагъябской культурно- исторической общности.....	47
§ 3. Бишкентские и Вахские памятники.....	56
Заключение.....	58
Приложение I.....	61
Приложение 2.....	62
Список использованной литературы.....	63
Список принятых сокращений.....	69

Св. план, 1983, доп.

Мавлян Джуракулович Джуракулов

Нонна Армаисовна Аванесова

Историография эпохи бронзы Средней Азии

Редактор Т.М.Теплякова

Подписано к печати 25/XI-83 г.

Рч № 40146. Заказ № 237. Объем 5 п.л.

Бумага типографская № 1.

Формат 60 х 84 1/16. Изд. № 382(04).

Тираж 550 экз. Цена 70 коп.

Отпечатано на ротапринте СамГУ

г.Самарканд. Бульвар им.М.Горького, 15

Цена 70 коп.